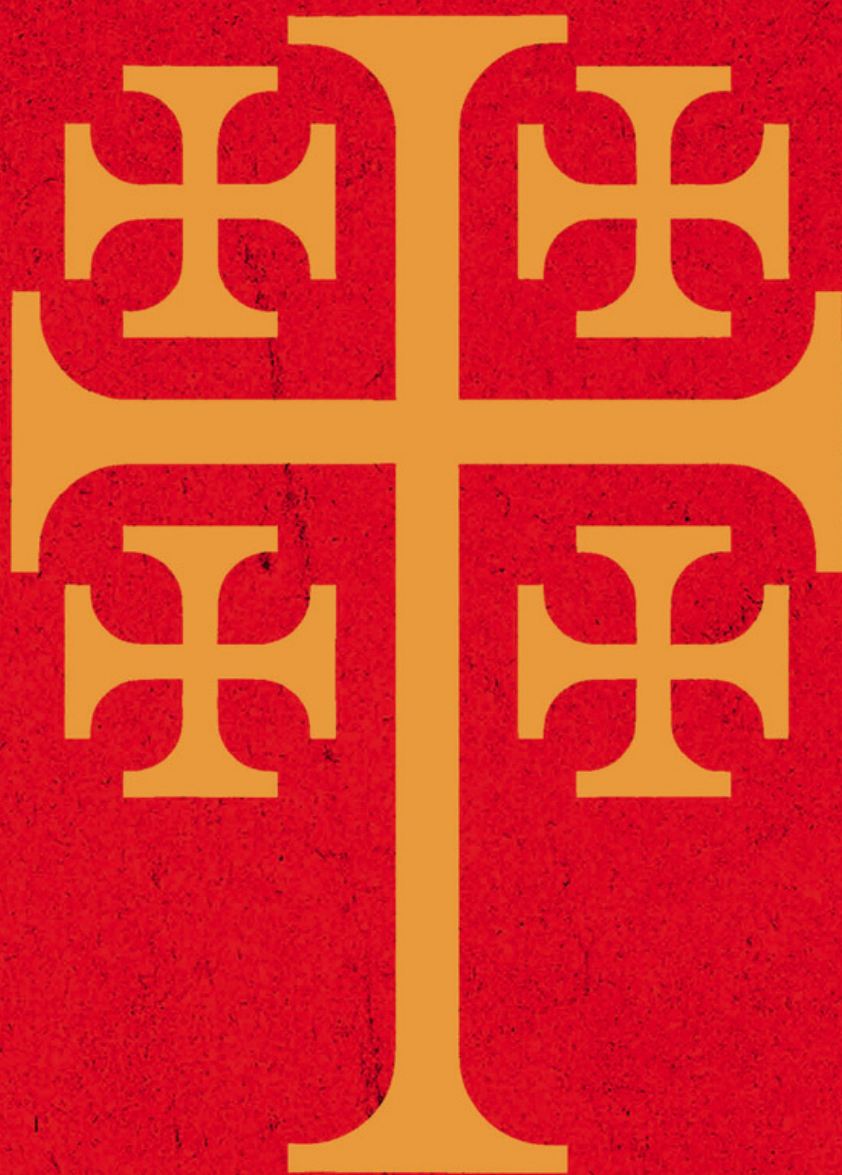

КРЕСТОНОСЦЫ

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ

ДЭН ДЖОНС

*Автор бестселлеров
«Тамплиеры» и «Плантагенеты»*

Дэн Джонс

Крестоносцы: Полная история

«Альпина Диджитал»

2019

УДК 94"04/14"
ББК 63.3(0)4

Джонс Д.

Крестоносцы: Полная история / Д. Джонс — «Альпина
Диджитал», 2019

ISBN 978-5-00-223177-5

Подробная история крестовых походов, рассказанная автором бестселлеров «Тамплиеры» и «Плантагенеты» Дэном Джонсом. Более тысячи лет христиане и мусульмане жили бок о бок, иногда в мире, а иногда в состоянии войны. Но когда в 1099 году христианские армии захватили Иерусалим, начался самый печально известный период противостояния двух религий. Расширяя привычные временные рамки, Джонс обращается к истокам христианско-мусульманских отношений в VIII веке и прослеживает влияние крестовых походов до наших дней. Он расширяет и географию событий, приводя читателя в Испанию, Северную Африку, на юг Франции, в страны Балтии, где тоже жили так называемые «враги Церкви». Рассказывая истории отдельных участников крестовых походов, Джонс показывает эти столетия конфликта не только с позиций пап и королей, но и глазами арабо-сицилийского поэта, византийской принцессы, суннитского ученого, шиитского визиря, монгольского военачальника, а также простых христианских монахов.

УДК 94"04/14"
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-00-223177-5

© Джонс Д., 2019

© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Карты	9
Введение	11
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40
Комментарии	

Дэн Джонс

Крестоносцы: Полная история

Переводчик *Галина Бородина*

Научный редактор *Николай Сайнаков, канд. ист. наук*

Редактор *Наталья Нарциссова*

Издатель *Павел Подкосов*

Руководитель проекта *Александра Казакова*

Ассистент редакции *Мария Короченская*

Художественное оформление и макет *Юрий Буга*

Корректоры *Татьяна Медингер, Ирина Панкова*

Компьютерная верстка *Андрей Ларионов*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

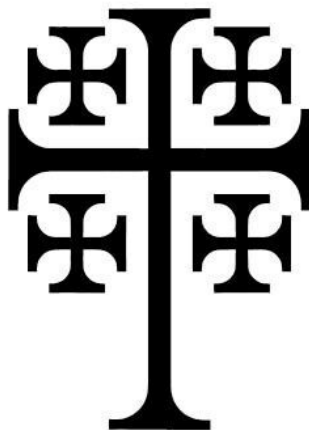
Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Dan Jones, 2019

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

* * *

ДЭН ДЖОНС

КРЕСТОНОСЦЫ
ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2024

*Уолтеру
χαλεπὰ τὰ καλά¹*

¹ «Прекрасное – трудно» (Аристотель). – Прим. пер.

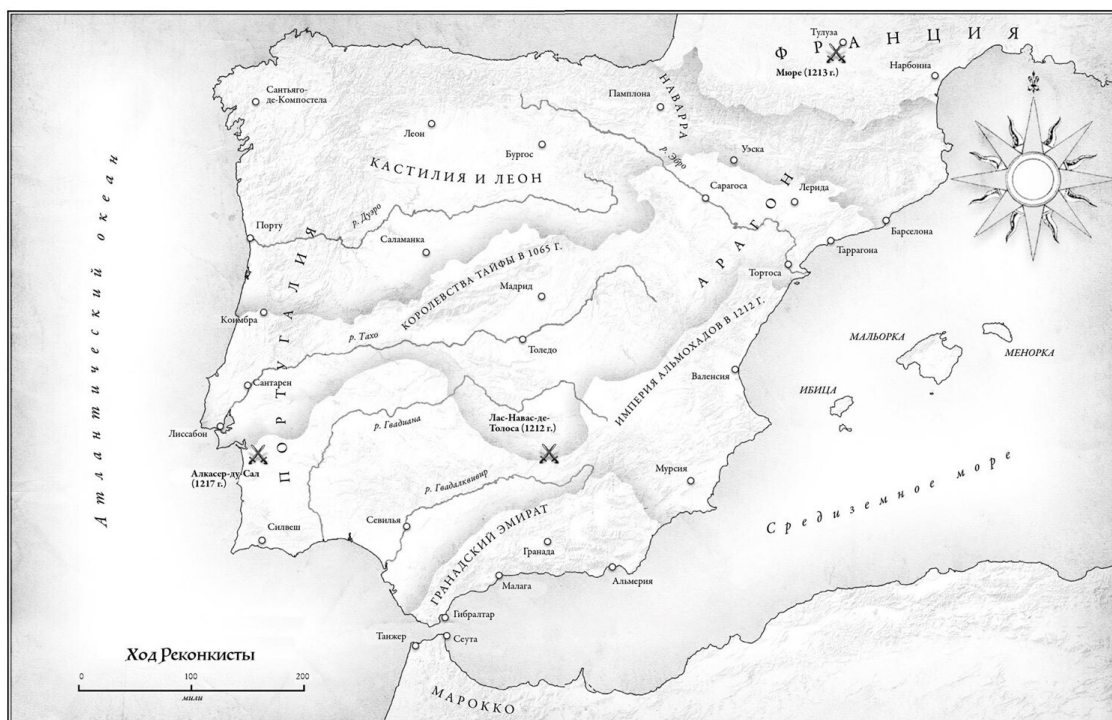
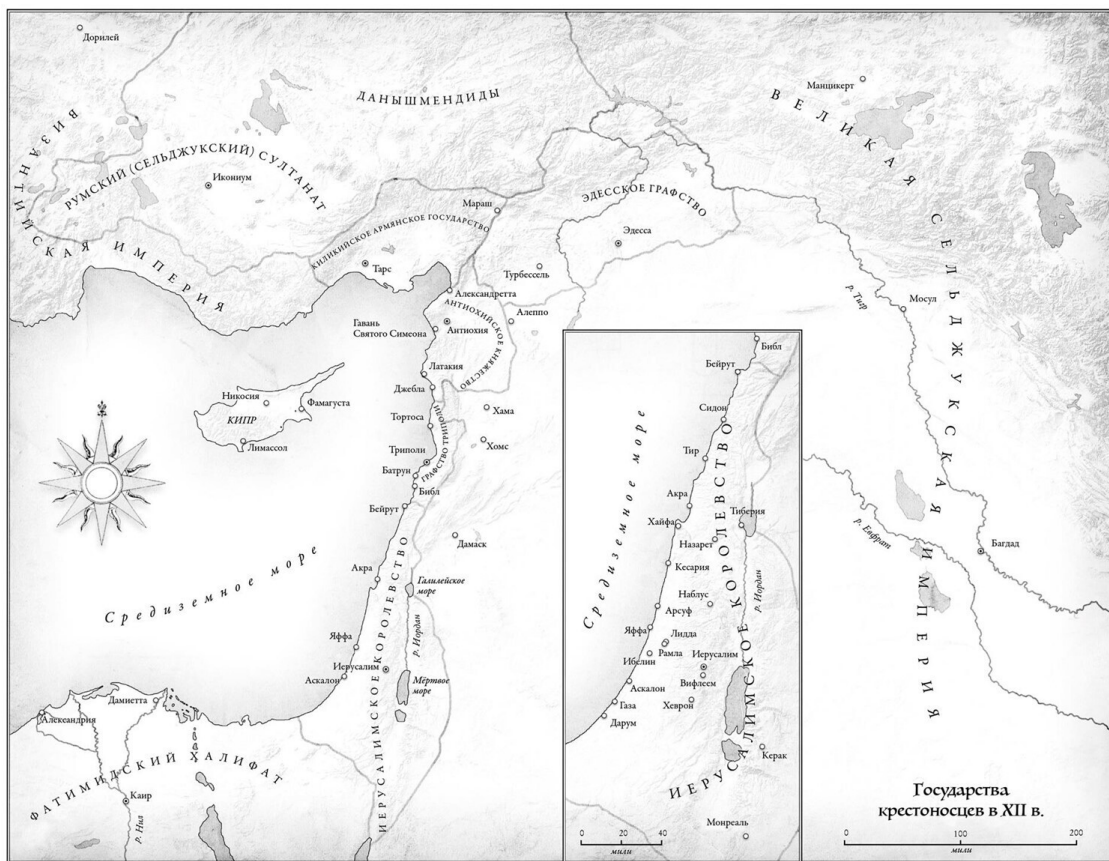
*В те дни мужчины пеклись о мехах не меньше, чем о своих
бессмертных душах.*

АДАМ БРЕМЕНСКИЙ (ОК. 1076 Г.)

Карты

1. Европа и Святая земля после Первого крестового похода (ок. 1099 г.)
2. Государства крестоносцев в XII в.
3. Ход Реконкисты
4. Путь Первого крестового похода из Константинополя (1097–1099 гг.)
5. Осада Антиохии (1097–1098 гг.)
6. Осада Иерусалима (июнь – июль 1099 г.)
7. Второй крестовый поход (1147–1149 гг.)
8. Языческие племена Прибалтики (ок. 1100 г.)
9. Дельта Нила в период Пятого крестового похода (1217–1221 гг.)
10. Монголы и мамлюки (ок. 1260 г.)

Введение

Эпос, написанный кровью...

Незадолго до Пасхи 1188 года архиепископ Кентерберийский отправился в Уэльс. Вдали от Англии, в Восточном Средиземноморье, началась война, и архиепископу Балдуину Фордскому было поручено завербовать несколько тысяч крепких добровольцев для армии, которая собиралась туда отправиться.

Откровенно говоря, дело им предстояло непростое. Путешествие по суше и морю на Восток и обратно заняло бы у решивших вступить в войско как минимум полтора года и обошлось бы в кругленькую сумму. В пути их поджидали нешуточные опасности: кораблекрушения, разбойники или смерть от какой-нибудь болезни задолго до того, как они доберутся до места назначения – христианского Иерусалимского королевства в Палестине. Шансы вернуться домой с большой добычей были ничтожны. Да, по правде говоря, перспектива просто вернуться выглядела туманной.

Вражеское войско возглавлял султан Египта и Сирии курд Салах ад-Дин Юсуф ибн Айюб, называемый Саладином, – талантливый полководец, от которого западные христиане – франки – уже потерпели ряд сокрушительных поражений. Прошлым летом Саладин разбил на поле боя огромную армию, взял в плен иерусалимского короля, похитил священную реликвию – святой Крест Господень и изгнал христианских властителей из Иерусалима. Единственную гарантированную награду участники войны, затеянной, чтобы покончить с Саладином, могли получить в загробной жизни: предполагалось, что Господь проявит к ним благосклонность и быстро и беспрепятственно введет в рай.

Хотя в тот религиозный век, одержимый подсчетом и отпущением грехов, такое предложение выглядело куда более соблазнительным, чем мы можем представить себе сегодня, перед Балдуином и его свитой, объезжавшими один за другим города Уэльса, стояла сложная задача: проповедовать, убеждать и разжигать энтузиазм людей в отношении войны с врагом, которого никто и в глаза не видел, в далекой стране, в которой никто не бывал.

В маленьком городке Эбертейфи, что в западном Уэльсе, приезд Балдуина стал причиной ссоры молодой супружеской пары. Муж решил отправиться в крестовый поход, а жена твердо решила никуда его не пускать. Согласно хронисту Гиральду Камбрийскому, который сопровождал архиепископа Балдуина в этой поездке и оставил о ней увлекательный отчет (хотя, увы, он не упомянул имен супругов), жена «крепко держала мужа за накидку и ремень и при всем народе... не давала ему подойти к архиепископу»^[1]. Победа осталась за женщиной. Но, как пишет Гиральд, долго радоваться ей не пришлось: «Три ночи спустя услышала она страшный глас: "Ты отняла у меня моего слугу, и посему у тебя будет отнято то, что должна любить ты"».

Тем же вечером, лежа в кровати, она неловко повернулась во сне и придавила до смерти младенца-сына, который спал с нею рядом. Это была трагедия. Но – осознала она – это было также и знамение. Архиепископ Балдуин уже покинул город, и потрясенные супруги поехали к епископу своего диоцеза, чтобы сообщить о случившемся и испросить прощения.

У них оставался единственный выход, и все знали какой. Христиане, решившие отправиться на войну с Саладином, объявляли, что поклялись стать солдатами святого воинства Христова, нашивая на рукав крест из ткани.

Женщина сама пришила крест к одежде своего мужа.

Это книга о Крестовых походах: о средневековых войнах христианских армий, с благословения пап римских отправлявшихся сражаться с людьми, которых они считали врагами Христа и Римской церкви. Название «Крестоносцы» отражает и тематику книги, и мой подход к изложению материала. Долгое время в Средние века не существовало специального термина для обозначения Крестовых походов, как мы понимаем их сегодня: восемь или девять крупных экспедиций из Западной Европы в Святую землю, сопровождавшихся рядом других, побочных, войн, которые велись от залитых солнцем городов на берегах Северной Африки до заснеженных балтийских лесов. А вот слово, обозначающее участников этих войн, появилось вместе с самим явлением. Мужчин и женщин, сражавшихся в искупительных войнах в надежде на спасение души, на латыни называли *crusesignati* – «отмеченные крестом». В этом смысле идея крестоносца предшествует идее крестового похода, и это первая причина, почему я остановил свой выбор на таком названии.

Но что еще важнее, название «Крестоносцы» отражает мой подход к повествованию. Эта книга состоит из серии эпизодов, рассказывающих о конкретных личностях – участниках Крестовых походов; с точки зрения хронологии эпизоды выстроены последовательно и охватывают период в целом. Люди, которых я сделал нашими проводниками в этом путешествии, – «крестоносцы», как и сказано в названии, и я надеюсь, что все вместе они сумеют поведать нам историю Крестовых походов из первых уст.

Подыскивая «своих» крестоносцев, я старался раскидывать сети как можно шире. В моем повествовании присутствуют женщины и мужчины, христиане Восточной и Западной церквей, мусульмане-сунниты и мусульмане-шииты, арабы, евреи, турки, курды, сирийцы, египтяне, берберы и монголы. На страницах книги вы встретите также людей из Англии, Уэльса, Франции, Скандинавии, Германии, Италии, Сицилии, Испании, Португалии, с Балкан и из Северной Африки. Здесь есть даже дружина викингов! Одним достались главные роли, другим – эпизодические. Но благодаря всем этим людям получилась многоголосая история Крестовых походов. Историографически она не ограничивается созданием, борьбой за существование и крахом государств крестоносцев в Палестине и Сирии, а также их борьбой с мусульманами. Скорее, она помещает главную нить повествования в контекст других, параллельных, официально объявленных Крестовых походов, которые велись в то же время на Пиренейском полуострове, в южной Франции, Сицилии и Анатолии, а также неофициальных, народных движений, возникавших в других местах. Таким образом, нашу историю движет вперед множество людей, что позволяет нам увидеть яркий и красочный калейдоскоп взглядов на эпоху, их связавшую.

Во всяком случае, такова была моя цель. Разумеется, я прекрасно знаю о существовании массы превосходных исследований Крестовых походов, изданных за последние годы, и глубоко признателен их авторам. Вероятно, самым впечатляющим из всех, несмотря на свой возраст, остается блестящий трехтомный труд сэра Стивена Рансимена «История Крестовых походов» (*A History of the Crusades*, 1951–1954), но и сравнительно недавно англоязычным читателям посчастливилось познакомиться с замечательными книгами. Это «Священные войны: новая история Крестовых походов» (*God's War: A New History of the Crusades*, 2006) Кристофера Тайермана, «Крестоносцы: война за Святую землю» (*The Crusades: The War of the Holy Land*, 2010) Томаса Асбриджа, «Воины Христовы: современная история Крестовых походов» (*Holy Warriors: A Modern History of the Crusades*, 2010) Джонатана Филлипса, «В погоне за раем: исламская история Крестовых походов» (*The Race for Paradise: An Islamic History of the Crusades*, 2014) Пола Кобба, а также третье издание книги покинувшего нас великого Джонатана Райли-Смита «Крестовые походы: история» (*The Crusades: A History*, 2014). Все они представляют собой превосходные путеводители по истории эпохи, и, хотя по ходу повествования я ограничился цитированием только основных источников, эти труды, наряду с сотнями

книг и статей как общей, так и специальной направленности, написанных другими авторами, всегда были у меня под рукой. Если бы не усилия поколений историков Крестовых походов, эта книга просто не смогла бы появиться на свет.

Она состоит из трех частей. Первая посвящена периоду, когда зародились многие направления мысли, виды деятельности и роды военного искусства, которые с 1060-х годов и далее способствовали становлению движения крестоносцев. Повествование здесь построено вокруг поразительной истории Первого крестового похода и достигает кульминации в момент взятия Иерусалима в июле 1099 года.

Вторая часть книги подхватывает нить повествования несколькими годами позже, в начале XII столетия. В ней мы проследим рост и развитие государств крестоносцев в Сирии и Палестине, понаблюдаем за войнами христианских королей с исламскими государствами Испании (Реконкистой) и увидим, как крестоносное движение распространилось на новый плацдарм на берегах Балтийского моря. В этой части книги изложение привязано к двум переломным моментам: потере Эдессы в 1144 году – причине Второго крестового похода и взятию Иерусалима Саладином в 1187 году, следствием чего стал Третий.

Заключительная часть книги, описывающая события первой половины XIII столетия, посвящена отчаянным попыткам западного христианского мира вернуть себе Иерусалим, вслед за чем последовал закат государств крестоносцев на Востоке, вызванный укреплением империй мамлюков и монголов. Здесь же рассказывается о резком усилении и политизации идеологии и институтов крестоносного движения в период папства Иннокентия III и позже, вследствие чего внимание крестоносцев обратилось на новых врагов: реальных и воображаемых, внутри церкви и вне ее. Чтобы исполнить обещание представить возможно более широкую и полную историческую картину, я завершаю «Крестоносцев» не 1291 годом, когда Иерусалимское королевство пало окончательно, но 1492 годом, когда завершилась Реконкиста, а энергия движения крестоносцев обратилась на Запад, на Новый Свет. Краткий эпилог посвящен памяти о Крестовых походах и метаморфозам, которые она претерпевала в веках вплоть до настоящего времени.

Каждую главу книги можно рассматривать в качестве самостоятельного исследования, чем они, по сути, и являются. Я надеюсь, что, прочитав историю, которая будет рассказана далее, неискушенный читатель захочет глубже погрузиться в изучение Крестовых походов, а искушенный по достоинству оценит мой подход к материалу. Как и всегда, я надеюсь, что мне удалось написать книгу не только поучительную, но и увлекательную. Ведь, как сказал некогда сэр Стивен Рансимен, «романтическая история Крестовых походов – это эпос, написанный кровью»^[2].

Такой она была, такой и остается. Давайте же начнем.

*Дэн Джонс
Стейнс-апон-Темз
Весна 2019 года*

Часть I

Испытание судом Божиим

Глава 1

Граф и имам

Он видел в том для себя двойную пользу, а именно пользу для души и для тела...

Граф Рожер Сицилийский поднял ногу и шумно испустил ветры. «Христом Богом клянусь, – воскликнул он, – этот звук лучше, чем все ваши речи!»^{2[3]} Его советники, пристыженные и немного озадаченные, замерли. Вышеупомянутому графу, до костей просоленному морскими ветрами военных кампаний в южной Италии и на островах центрального Средиземноморья, было чуть меньше пятидесяти. В молодости он удостоился от одного льстеца следующей характеристики: «Прекраснейший юноша, высокого роста, изящного телосложения, весьма красноречивый, хитроумный, предусмотрительный в улаживании требующих решения дел, приветливый и приятный всем»^{3[4]}. К зрелым годам граф несколько огрубел и уже не считал нужным распинаться перед недоумками.

План, предложенный его советниками, казался вполне разумным, какими часто кажутся планы придворных, пока раздражительный господин не оставит от них мокрого места. За морем недалеко от Сицилии, примерно в 120 километрах, лежали остатки страны, которую в античные времена называли Карфагеном, позже – римской провинцией Африка, а теперь, в конце XI века, именовали Ифрикией⁴. Ее города – в том числе столица Махдия (Аль-Махдийя), расположенная прямо на побережье, и Кайруан (Кайрван), лежащий чуть дальше вглубь материка и славившийся своей мечетью и школой, которую на протяжении многих поколений посещали величайшие философы и ученые-натуралисты Северной Африки, – управлялись слабеющей династией Зиридов, берберских мусульман. Пространство за стенами городов находилось во власти разномастных племен арабов-бедуинов, которые с подачи египетских властей пытались вытеснить Зиридов. Политическая стабильность дышала на ладан. Тут тебе и теплые плодородные земли, и процветающие портовые города. Добыча сама идет в руки – так думали советники Рожера, а потому они и рекомендовали своенравному повелителю принять предложение родственника, которого в одном из источников называют просто «Балдуином»^{5[1]}.

Этот Балдуин собрал огромную армию христиан и раздумывал, какие бы такие не обращенные в истинную веру земли завоевать. Он просил у Рожера разрешения высадиться на Сицилии и использовать остров в качестве плацдарма для вторжения в Ифрикию. «Я стану вашим соседом!» – восклицал он радостно, как будто это была благая весть. Но Рожер Сицилийский не ощущал в себе добрососедского настроения. Несомненно, Ифрикией правят после-

² Пер. М. А. Заборова.

³ Пер. И. В. Дьяконова.

⁴ Сегодня эту местность называют Восточным Магрибом: это примерно та часть морского побережья Северной Африки, на которой находятся северо-восточный Алжир, Тунис и северо-западные области Ливии.

дователи разнообразных течений ислама, сказал он, но так уж вышло, что сицилийцы обещали этим иноверцам соблюдать соглашения, обеспечивающие мир и активный товарообмен на рынках и в портах острова. Последнее, чего он хотел бы, разглагольствовал Рожер перед приближенными, так это чтобы кузен, злоупотребляя его гостеприимством, опрометчиво развязал войну, которая, увенчавшись победой, повредит сицилийской торговле, а окончившись провалом, дорого обойдется графу, вынужденному оказывать родичу военную поддержку.

Какой бы уязвимой ни была Ифрикия, если кто-то этим и воспользуется, так только сам Рожер. Два с половиной десятилетия – почти всю сознательную жизнь – он укреплял свою власть в регионе, и, если бы сейчас рискнул всем, поддержав безрассудный план родича, который ни капли пота не проронил на землю Сицилии, все его многолетние усилия пошли бы прахом.

Если этот Балдуин так жаждет воевать с мусульманами, сказал Рожер, ему придется подыскать для этого какую-нибудь другую часть Средиземноморья. Граф лично может назвать массу мест, которые были бы предпочтительней окрестностей Сицилии. Он приказал привести гонца Балдуина и проинформировал того о своем решении. Если твой хозяин настроен серьезно, сказал он, тогда «лучше всего вам захватить Иерусалим»^{5[6]}.

С этого все и началось.

Рожер, граф Сицилии, был образцовым для Европы XI века примером человека, который всего добился сам. Он родился около 1040 года и был младшим из двенадцати сыновей мелкого нормандского барона по имени Танкред де Готвилль. Учитывая тогдашние правила наследования, даже второму сыну предстояло всю жизнь провести в погоне за удачей без особой надежды на наследство. Иметь одиннадцать старших братьев по тем временам – настоящая катастрофа. Однако к концу века нормандцы принялись огнем и мечом прокладывать себе путь по Западной Европе. В 1066 году они завоевали саксонскую Англию; примерно в то же время их внимание обратилось на южную Италию. В самой Нормандии возможностей для младших сыновей было не густо, но перед тем, кто оказывался не прочь сорваться с места, открывалась масса перспектив. Итак, юный Рожер покинул родину, то есть северо-запад нынешней Франции, и отправился в земли, которые уже привлекли немало его родственников и земляков: это были богатые, но нестабильные регионы южной Италии – Калабрия и Апулия, мысок и каблук итальянского сапога.

Принадлежность этих изобилующих ресурсами земель оспаривалась, и здесь амбициозный молодой человек, одержимый политикой и войной, вполне мог выбиться в люди. Нормандцы из клана Готвилей уже сделали себе имя, сражаясь против соперничающих держав региона – главным образом, против византийских греков и римских пап, относившихся к нормандцам с подозрением и едва ли не со страхом. Наибольшего успеха удалось добиться братьям Рожера – Вильгельму Железномуруку, Дрого и исключительно одаренному Роберту Гвискару (на старофранцузском *guischart* означает «хитрый» или «коварный»). К приезду Рожера двое первых уже пребывали в лучшем из миров, а Роберт Гвискар заявлял права на титул «графа Апулии и Калабрии». Но приключений там хватало на всех. Семейка покоряла народы южной Италии, отрезая носы, отрубая руки и ноги и выкалывая глаза^[7]. В нормандских легендах утверждается, что родословная Готвилей восходит к скандинавскому вождю Роллону, который обратился в христианство в основном ради того, чтобы подданные подчинялись ему, в какого бы бога ни веровали^[8]. Ни Рожер, ни Роберт никогда не теряли вкуса к принятому у викингов старому доброму способу убеждения при помощи меча.

Нормандцы славились необузданной жестокостью, и в немалой степени благодаря такой репутации их вторжение в южную Италию одобряли не все. По мнению одного высокопоставленного церковного деятеля тех времен, нормандцы были «самым вонючим мусором в мире...

⁵ Пер. М. А. Заборова.

сыны греха, тираны, вышедшие из черни»^[9]. Но с середины века и далее папство стало придерживаться иной точки зрения: один за другим папы смягчали свой враждебный настрой и все чаще готовы были видеть в нормандцах неотесанных, но потенциально полезных союзников, которые могли бы помочь Риму продвигать свою повестку. Отчасти папство пришло к такому выводу под давлением: в 1053 году нормандцы разгромили папскую армию на поле боя и взяли в плен папу Льва IX, предшественника Николая. Как бы то ни было, в 1059 году папа римский Николай II все-таки отдал Калабрию и Апулию семье Готвильей и позволил их войскам выступать на поле боя под папским штандартом⁶. Такую честь он оказал Роберту Гвискару в обмен на четырех верблюдов. И это было не просто признанием сложившегося положения дел. Папа мечтал, что однажды какой-нибудь из нормандских кланов сможет «с Божьей и святого Петра помощью» завоевать Сицилию и править ею: обширный остров треугольной формы, расположенный по другую сторону Мессинского пролива, с IX века находился под властью арабов^[10]. Это стало бы серьезным шагом к реализации амбиций римских пап, мечтавших подчинить своей церкви всю южную Италию^[11]. Если бы нормандцы смогли это устроить, рассуждали папы, то все бесчинства, которые десятилетиями творили на материке головорезы-севе-
 рыне, оказались бы оправданы.

Рожеру и его брату Роберту Гвискару идея завоевать Сицилию очень нравилась, хотя и не совсем по тем же причинам, что папе римскому. Умилостивить Господа вполне можно было никуда не отправляясь, а учреждая и поддерживая монашеские общины, славя Христа и соблюдая дни поминовения святых. Но отправлять войска покорять остров площадью 2590 квадратных километров, длина прибрежной линии которого составляет почти 1500 километров, а в центре высятся настоящие вулканы – такое богоугодное деяние требовало более весомых и прозаических обоснований.

К счастью, Сицилия предоставляла их в избытке: влажный климат зимой и жаркий летом, плодородные земли, чуть ли не лучшие в Средиземноморье, колоссальные урожаи зерна, которое выращивали здесь методами, значительно усовершенствованными под властью мусульманских эмиров. На острове росли лимоны, финики, рис и сахарный тростник. Сицилийские ремесленники производили хлопок и папирус. Спокойные морские воды не давали рыбакам сидеть без дела. Паломники из мусульманской южной Испании, совершая хадж в Мекку, останавливались здесь отдохнуть. В прибрежных городах, в том числе в Палермо, Сиракузах, Каталани, Мессине и Агридженто, пересекались основные торговые пути центрального Средиземноморья; здесь купцы Ближнего Востока и Северо-Восточной Африки могли вести дела с торговцами, прибывшими из Центральной и Западной Европы. Наконец, местное население, состоявшее из мусульман – арабов и берберов, а также из христиан греческой православной церкви и евреев, можно было активно облагать налогами, что уже доказали эмиры, которые, следуя исламскому обычаю, взимали с не желающих обращаться в ислам жителей специальную подать «джизья».

Учитывая все это, хвалебные гимны во славу завоевания Сицилии, которые папа пел Рожеру и Роберту Гвискару, в 1059 году возымели действие. Как писал сицилийский монах-летописец Гоффредо Малатерра,

...изысканнейший юноша, граф Калабрии Рожер... слыша о неверной Сицилии... был охвачен страстным желанием завладеть ею, видя в том

⁶ Через несколько лет папский штандарт послали еще одному нормандскому правителю: Вильгельм Бастард, герцог Нормандии, развернул его перед своей армией, когда в 1066 году вторгся в Англию.

для себя двойную пользу, а именно пользу для души и для тела, если он вернет к почитанию Бога землю, преданную идолопоклонству^[12].

Деньги и вечная слава – двух этих немеркнущих соблазнов оказалось более чем достаточно, чтобы в начале 1060-х годов выманить Рожера и Роберта Гвискара за Мессинский пролив и заставить их совершить серию нападений на остров. Завоевание Сицилии далось братьям-нормандцам нелегко, но они бросили на это все силы, устраивая морские блокады и посылая на остров солдат, которые были малы числом, однако отлично подкованы в нормандском стиле ведения боевых действий, предполагавшем использование легких доспехов и тяжелой конницы, огромных деревянных щитов и осадных башен, – и противостоять им оказалось очень трудно. Нормандцы обращали в свою пользу распри местных мусульман, которые раньше даже брали на службу наемников-христиан с материковой Италии, а в попытках удовлетворить свои политические амбиции готовы были действовать совместно с нормандскими армиями^[13]. Нормандцы прибегали к простым, но эффективным мерам психологического воздействия: насиловали жен врагов, а о своих победах оповещали, рассылая почтовых голубей, вымоченных в крови. В итоге в 1072 году, после пятимесячной осады, Палермо пал. К середине 1080-х годов нормандцы захватили уже большую часть острова. Неисправимый авантюрист Роберт Гвискар в поисках новых приключений отправился воевать с Византийской империей, насаждая нормандское владычество в Далмации, Македонии и Фессалии, а младшего брата Рожера оставил править Сицилией.

К 1091 году завоевание острова было завершено, и Рожер наслаждался положением одного из самых почитаемых христианских владык Европы: его дочерям поступали брачные предложения от королей Франции, Германии и Венгрии, он основывал на Сицилии церковные епархии, обязанные подчиняться римским папам, а не патриархам Восточной православной церкви, и властвовал над населением – таким же пестрым в смысле вероисповеданий и культур, как и прежде. Рожер строил и содержал церкви и монастыри, демонстрируя благочестие, традиционное для правителя той эпохи, особенно такого, у которого руки по локоть в крови. Мечеть в Палермо, которая изначально строилась как византийская базилика, опять перекрестили – на этот раз в церковь, соблюдающую латинский обряд. Рассказывают, что в ряде случаев Рожеру даже удавалось заставить побежденных мусульманских правителей принять христианство^[14]. Бремя джизьи переложили на мусульман: теперь они, а не христиане должны были платить пошлину (ценз, или трибутум) за право оставаться иноверцами^[15]. Евреи по-прежнему платили талью. Но Рожер и в мыслях не имел устраивать на Сицилии теократию. Более того, посещавшие остров церковники с севера Европы укоризненно цокали языками, когда узнавали, что Рожер не только набирал в свою армию мусульман, но (по их словам) категорически не давал обращать этих солдат в христианство^[16]. К тому же сам граф, презентуя себя подданным, чаще выступал прагматиком, чем догматиком. Медные монеты трифолларо, предназначенные для использования его христианами подданными, изображали Рожера в облике славного рыцаря верхом на коне и со святым копьём в руке; на монетах латынью было написано его имя: граф Рожер (*ROGERIVS COMES*)^[17]. Но на каждом золотом тарии – монете, предназначенной для его мусульманских подданных, – красовалась надпись на арабском: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его». На других таких же монетах Рожера, а также в его указах, написанных на арабском, его называли имамом, маликом и султаном – владыкой, государем и королем^[18].

Так что же мы можем вынести из удивительной истории Рожера, отказавшегося приумножить свои завоевания, поддержав вторжение в Ифрикию? Эта история дошла до нас в пере-

сказе ученого по имени Ибн аль-Асир. Он жил и умер в Мосуле (сегодня это Ирак) между 1160 и 1233 годами. Его важнейший труд – поучительная хроника на сотни тысяч слов, самоуверенно названная: «Полный свод всеобщей истории».

Ибн аль-Асир был серьезным ученым с широким и часто очень проницательным взглядом на события. Он писал об истории мира, начиная с его сотворения и вплоть до политических и военных противоборств вокруг и внутри исламских государств. Учитывая, какой век выпал Ибн аль-Асиру, неудивительно, что крестоносцы и их мотивы вызвали у него большой интерес: он посвятил немало раздумий истокам священных войн, которые в годы его жизни полыхали в Средиземноморье. Его решение возложить ответственность на Рожера Сицилийского (которого он описывает как грубого, зловонного и циничного – архетип барона-крестоносца) заслуживает внимания, хотя вряд ли стоит принимать оценку Ибн аль-Асира на веру⁷.

Под «Балдуином», вероятно, имелся в виду Балдуин I, будущий король Иерусалимский, но убедительных подтверждений этому нет.

Возможно, Ибн аль-Асир в своем описании объединил имевшиеся у него сведения об истоках Крестовых походов в Святую землю с некой историей местного происхождения. Согласно хронисту Малатерре, в 1087 году на берегах Ифрикии высадилось войско, собранное купцами Пизы, «которые отправились торговать в Африку и претерпели там множество обид»^[19]. Малатерра, который изъясняется далеко не так витиевато и цветисто, как Ибн аль-Асир, пишет, что пизанцы предложили Рожеру в награду корону Ифрикии, если он поможет им взять Махдию. Рожер от предложения отказался, сославшись на то, что буквально только что обещал местным правителям свою дружбу. Об Иерусалиме он не упоминал. Согласно Малатерре, пизанцы сами заключили с властителем из династии Зиридов сделку и согласились оставить Махдию в покое в обмен на крупную денежную выплату.

Но и это еще не все. Повествуя о графе Рожере и Ифрикии, Ибн аль-Асир помещает свой рассказ в широкий контекст событий в Средиземноморье. Он пишет, что примерно в то же время, когда нормандцы захватили Сицилию и угрожали Ифрикии, они также «взяли город Толедо и другие города в Испании... Как вы увидите, позже они захватили и другие ее части»^[20]. Действительно, именно так «они» и сделали. В десятилетия, предшествовавшие Первому крестовому походу, столкновения соперничавших правителей, исповедовавших разные религии, – в Испании, в Северной Африке, на островах Средиземноморья и далее везде – стали совершенно обычным делом.

Это были еще не религиозные войны в прямом смысле слова: вера служила здесь второстепенным мотивом, уступая в важности коммерческим и геополитическим интересам^[21]. Но это были войны между религиозными людьми, а их последствия сказывались на протяжении поколений, так что можно считать, что происходившее во времена аль-Асира лежало в основе интересующих нас событий. Слияние войн за территорию и войн между представителями разных религий, ставившими своей целью утверждение духовного превосходства, положит начало противостоянию, которое продлится двести с лишним лет и будет описываться уже исключительно как борьба за истинную веру.

⁷ Интересно, что о демонстративном испускании газов упоминает не только Ибн аль-Асир. Гоффредо Малатерра задокументировал случай, имевший место во время осады нормандцами Палермо в 1064 году, в процессе которой армии досаждали тарантулы. Малатерра пишет: «... всех, кого он ужалит, наполняет обильными и ядовитыми газами; люди так сильно страдают, что никоим образом не могут сдерживать эти газы, которые непристойно и с шумом вырываются через задний проход». (Перевод на русский: Готфрид Малатерра. О деяниях Рожера, графа Калабрии и Сицилии, и его брата, герцога Роберта Гвискара // Хроники Сицилийского королевства / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. – М.: Русская панорама, 2021.)

Глава 2

Поэты и эмиры

Теперь же, когда они сильны и могучи, христиане желают вернуть себе то, что было отнято у них силой.

В 1070-е годы Сицилия уже уступала натиску нормандцев и свирепые солдаты графа Рожера под прикрытием щитов, напоминавших формой гигантские капли слез, брали город за городом. В те времена один молодой мусульманский поэт схватил свою семью в охапку и бежал с острова. Поэта звали Ибн Хамдис (Абдуль Джаббар Ибн Хамдис), и было ему двадцать четыре года. Он родился в Сиракузах в 1054 году в преуспевающем семействе, рос в комфорте и неге, с охотой получая литературное образование, одарившее его умением слагать популярные стихотворные строки на арабском, которые служили визитной карточкой высокой культуры той эпохи. Этот талант позволит ему осмыслить беды, страдания и потери, свидетелем которых он будет на протяжении своей долгой и насыщенной событиями жизни. Этот же талант принесет ему известность и откроет двери множества просвещенных дворов исламского Средиземноморья.

Бегство с Сицилии оставило в его душе глубокую рану: поэт бесконечно тосковал по беспокойному острову, где родился. «Меня изгнали из рая», – написал он как-то. Ностальгия и тоска по дому пронизывают даже те стихи Ибн Хамдиса, которые он создал, когда ему было под восемьдесят^[22]. Но какой бы болью ни отзывалось в его душе изгнание, нашлись в нем и приятные моменты. Покинув Сицилию, Ибн Хамдис подался на Запад и устроился при дворе одного из величайших арабских покровителей искусств того времени, Мухаммада аль-Мутамида ибн Аббада, эмира тайфы Севилья. Аль-Мутамид, возраст которого к тому моменту приближался к сорока годам, сам был одаренным поэтом. Умение красиво изъясняться он унаследовал от своего жестокого, но велеречивого отца аль-Мутадида, чьи неустанные военные кампании сделали Севилью одним из могущественнейших государств региона и чьи методы обращения с врагами отличались безграничным вероломством: однажды он приказал задушить в банях своего дворца прибывших к нему послов^[23].

Аль-Мутамид не был настолько коварным правителем, зато как поэт превосходил отца талантами^[24]. Он взял к себе Ибн Хамдиса в качестве одного из спарринг-партнеров по стихосложению и назначил ему содержание. Так сицилийский беглец поселился при одном из самых интеллектуальных дворов Запада, где к тому же культивировалось сладострастие, где предавались запретным удовольствиям винопития и беззаботного секса и где, писал Ибн Хамдис, с жизнью «можно было смириться, прогуливаясь по берегам удовольствия и отбросив всякую сдержанность»^[25]. Ибн Хамдис готов был вечно страдать по утраченной родине, но все остальное – по крайней мере, на тот момент – складывалось неплохо.

Господства в регионе Севилья добились сравнительно недавно. Если бы молодой мусульманский литератор искал здесь убежище столетием ранее, он без колебаний избрал бы Кордову, столицу Омейядского халифата: огромный город с полумиллионом жителей, один из самых изысканных и впечатляющих в мире, где ученые, астрологи, философы и математики разгадывали тайны вселенной, а архитекторы и мастеровые искали пределы художественного совершенства. Но в 1031 году Омейядский халифат развалился, и Кордова погрузилась в интел-

лектуальное оцепенение: ее библиотеки разграбили, книги сожгли, а знаменитые мастерские опустели.

Из этого запустения восстали несколько десятков мелких, номинально независимых государств – тайф, первой из которых считалась Севилья (в число прочих входили Малага и Гранада, Толедо, Валенсия, Дения и Балеарские острова, Сарагоса и Лерида). Тайфа (эмир-рат) Севильи включала в себя значительную часть мусульманской южной Испании, или аль-Андалусии. Город Севилья, которому королевство было обязано названием, располагался примерно в 200 километрах к северу от Гибралтарского пролива, и центром его был алькасар (дворец) на берегах реки Гвадалквивир. Владения эмиров Севильи простирались от Силвиша и Алгарви на Атлантическом побережье современной Португалии до Мурсии на востоке. Под властью правителей из династии аль-Мутамида – их называли Аббадидами – Севилья поглотила немало мелких эмиратов, ее окружавших, разжившись превосходными земельными угодьями и оживленными портами и взяв под свой контроль стратегические торговые пути, связывавшие Европу с Северной Африкой. Город славился качеством своих музыкальных инструментов, пурпурной краской для ткани, сахарным тростником и оливковым маслом. В правящих кругах Севильи царило отношение к жизни, которое отец аль-Мутамида описал такими стихотворными строками: «Я делю свое время меж тяжелой работой и отдыхом: / Утро – делам государственным, вечер – удовольствиям!»^[26]

Царствование аль-Мутамида пришлось на самый расцвет Севильи, и будь он более удачливым правителем или столкнулся с какими-то иными вызовами, вероятно, он продолжил бы настойчиво расширять границы Севильи до тех пор, пока не объединил бы все тайфы в государство, напоминающее Омейядский халифат, распавшийся незадолго до его появления на свет. Однако произошло обратное: аль-Мутамид привел страну к краху, чему в немалой степени поспособствовал правитель с другого конца Испании Альфонсо VI, король Кастилии и Леона.

Примерно в 400 километрах к северо-востоку от Севильи высились башни и каменные стены Толедо, некогда могущественной столицы империи вестготов. Под властью мусульман город, застроенный изящными мостами, общественными банями, рынками и мечетями, процветал. Он стоял на берегах широкой и быстрой реки Тахо – самой длинной водной артерии в Иберии: сбегая с Иберийских гор, через 1000 километров, у Лиссабона, она впадает в Атлантику. Долина реки и весь ее бассейн в те времена считались пограничьем, за которым лежали земли, принадлежавшие христианским королям северной Испании. Здесь же, на юге, страна была разделена между соперничающими правителями, которые, хотя и исповедовали одну религию, постоянно враждовали и сражались друг с другом. Самыми значительными среди государств севера Испании считались Галисия, Леон, Кастилия, Арагон, Наварра и Барселона. Но, как и на юге, было на севере одно государство и один правитель, превосходивший всех прочих по силе и могуществу.

С 1072 года и до самой смерти, настигшей его в 1109 году на пороге семидесятилетия, этим правителем был король Альфонсо VI. Его называли *el Bravo*, Храбрый, и он был твердо намерен соответствовать своему прозвищу. Альфонсо владел коронами Кастилии и Леона, а также правил всей Галисией и частично Наваррой. По количеству принадлежавших ему земель и по известности он был самым выдающимся христианским монархом южнее Пиренеев. Один впечатленный хронист описывал его как «католика во всем». Тот же хронист писал: «Он так застрашал злых людей, что они никогда не смели показаться ему на глаза»^{8[27]}. Другой

⁸ Пер. С. Железнова.

источник сообщает, что Альфонсо был «весьма силен как умом, так и телом, до той степени, что редко обнаруживается среди смертных»^[28].

Конечно, это была обычная лесть (в памяти испанского народа Альфонсо оставил по себе гораздо более бледную и менее романтическую память, чем его приближенный, Родриго Диас де Вивар, вошедший в историю как Эль Сид), но такое заискивание само по себе отражает тот факт, что Альфонсо господствовал над северными государствами так же, как аль-Мутамид над тайфами южной Испании. Альфонсо пришел к власти, свергнув с трона Галисии младшего брата Гарсию, а затем воспользовался насильственной кончиной старшего брата Санчо, убитого обманом во время осады. За свою долгую жизнь Альфонсо обзавелся пятью женами и двумя наложницами, сражался во множестве битв против христиан и мусульман и собрал впечатляющую коллекцию высокопарных титулов, включая обретенный в 1077 году титул *imperator totius Hispaniae* – император всей Испании, амбициозный, однако не вполне соответствующий истине: его империя простиралась от Атлантического побережья Галисии на западе до Барселоны на востоке, но ему так и не удалось покорить земли, лежавшие южнее реки Тахо. Тем не менее аль-Мутамид и правители ряда других тайф платили Альфонсо огромную дань, называемую «пария», чтобы он оставил их в покое. И пусть этот титул не вполне отражал политическую реальность, он совершенно точно указывал на цели Альфонсо: король жаждал раздвинуть границы своего королевства, и осмелиться встать у него на пути мог только правитель поистине неробкого десятка.

На протяжении второй половины XI века папский двор в Риме всеми силами раздувал аппетиты Альфонсо и подобных ему христианских владык. Безусловно, Рим и Испанию связывали древние исторические узы: покорение Испании было одной из основных задач расширяющейся Римской республики с III века до н. э. и вплоть до ее окончательного завоевания Августом в 19 году до н. э. После этого провинция почти полтысячелетия входила в состав Римской империи. К XI веку место консулов и тиранов заняли папы, но на уме у них были те же экспансионистские планы. С 1060-х годов понтифики один за другим проталкивали идею официально ввести христианские области Испании в лоно Римской церкви: окончательно вытеснить мосарабскую литургию, которую практиковали многие из подвергшихся арабскому влиянию христиан региона, заменить ее латинским обрядом и, прежде всего, отстоять свое право руководить религиозными институтами и собирать дань с живущих здесь христианских народов.

В этом отношении папы отчасти следовали моде, поскольку рыцарство, духовенство и рядовые паломники всей Западной Европы проявляли все больше интереса к территориям южнее Пиренеев. Солдаты не желали упускать возможность заработать денег, участвуя в регулярных мелких стычках между разномастными королевствами и тайфами. Монахи, соблюдавшие новый, реформированный в X веке клюнийский устав (названный по месту происхождения, аббатству Клуни в Бургундии), все сильнее жаждали приобщить к нему испанские монастыри. Богобоязненные простолюдины, стремившиеся очистить свои души от греха, следовали в Галисию дорогой покаяния, известной под названием Путь святого Иакова: он вел к гробнице апостола в Сантьяго-де-Компостела, одной из главных святынь христианского мира. Путешествие могло быть опасным: французский путеводитель начала XII века содержит суровые предупреждения о смертельно опасной нечистоте воды в придорожной реке и о низкой морали местного населения, например, крестьян Наварры, которые «занимаются грязным распутством» со своими мулами и кобылами^[29]. Но само путешествие стоило неудобств. По свидетельствам, вдоль Пути нередко совершались чудеса: солдатские копья, воткнутые в землю недалеко от Саагуна, выпустили листья; святой Иаков оживил путешественника, кото-

рого по ошибке повесили за воровство; он же исцелил молодого мужчину, который отсек себе пенис во искупление греха блудодейства^[30]. А в далеком прошлом – по слухам, это произошло то ли в 833, то ли в 834 году – святой Иаков предстал во всеоружии в битве против испанских мусульман и помог христианам одержать победу, которой заслужил себе прозвище *Santiago Matamoros*: святой Иаков-Мавробойца.

Со стороны любого папы, восседающего на престоле Святого Петра, было бы упущением игнорировать эти веяния, и с 1060-х годов понтифики принялись выпускать воззвания, заявляя о недвусмысленной поддержке Римом усилий по распространению власти христианских владык в Испании. В 1063 году папа Александр II предложил отпущение грехов тем французским или итальянским рыцарям, которые «намерены отправиться в Испанию» – из других писем, относящихся к тому же периоду, становится ясно, что, «отправившись в Испанию», рыцари эти должны были сражаться там с мусульманами^[31]. Конечным пунктом назначения для этих воинов стал город Барбастро, подчинявшийся мусульманскому правителю Сарагосы. Хронист Ибн Хайян рассказал о сорокадневной осаде города рыцарями, которых он обобщенно назвал «христианами». По его словам, солдаты прибывали как из ближайших регионов, например из Каталонии, так и из таких дальних мест, как Нормандия и южная Италия. Поначалу казалось, что осада окончится миром, но потом христиане отрезали Барбастро от воды, блокировав акведук. Измученные жаждой горожане в обмен на мир предлагали осаждавшим рабов и денежный выкуп. Однако вскоре началась кровавая расправа, в ходе которой были отданы приказы о поголовной резне и разграблении. «Более шести тысяч мусульман полегло от мечей христиан», – сообщает Ибн Хайян, в подробностях описывая паническое бегство жителей Барбастро к городским стенам и воротам. Множество народу погибло в давке. За давкой последовали чудовищные зверства: христиане насиловали дочерей на глазах отцов и жен на глазах мужей и безжалостно вырезали мирное население, – что хронист назвал «неизменным обычаем христиан, когда бы они ни взяли город силой оружия... Такими были преступления и бесчинства, творимые христианами в этом случае, что не найдется пера достаточно выразительного, чтобы их описать»^[32].

Нет сомнений, что некоторые особенности нападения на Барбастро в 1063 году, где с одобрения папы римского воевали рыцари со всего крещеного мира, его исключительно кровавые методы и недвусмысленная ссылка на религиозную повестку предвосхищают все то, что впоследствии станет неотъемлемыми чертами «крестовых походов». Но для Испании конца XI века взятие Барбастро имело особое значение, поскольку ознаменовало переход к более агрессивной экспансионистской политике христианских государств севера в маврской Испании (эту политику позже назовут Реконкистой или Отвоевыванием). Христианская экспансия была направлена на соседние мусульманские тайфы, и Рим горячо ее поощрял. Папа Григорий VII, сменивший в 1073 году скончавшегося Александра II, немедленно озвучил свои взгляды на завоевание Испании.

«Мы считаем... что королевство Испания с древних времен принадлежит суверенной власти святого Петра», – писал Григорий в самом начале своего папства. Несмотря на то что Альфонсо VI и сам притязал на титул императора всей Испании, другого поощрения ему не требовалось. Когда он отправил одного из своих вельмож на юг, в Гранаду, за парией, которую ему задолжал владыка тамошней тайфы Абд Аллах, тот уже прекрасно понимал, куда ветер дует. В составленной им позже блестящей хронике, которая называется «Тибиан», Абд Аллах так описал сложившуюся ситуацию: «Аль-Андалусия первоначально принадлежала христианам. Затем они потерпели поражение от арабов... Теперь же, когда они сильны и могучи, христиане желают вернуть себе то, что было отнято у них силой»^[33].

Абд Аллах писал эти строки уже в 1090-х годах, но это не помешало ему здраво оценивать события прошлого. За резней в Барбастро последовала серия скоординированных кампаний под командованием неугомонного Альфонсо VI. То ли в 1082, то ли в 1083 году, когда дань, которой Альфонсо обложил Севилью, стала особенно обременительной, эмир аль-Мутамид решил прекратить выплаты парии. Чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, он в худших традициях папеньки казнил посла Альфонсо, явившегося с требованием по поручению своего господина^[34]. В ответ летом 1083 года Альфонсо обрушил на Севилью град нападений, и его войска дошли до центра владений аль-Мутамида. Сам Альфонсо проскакал до Тарифы, где уже виднелась изрезанная береговая линия Северной Африки, и загнал коня в волны, обрушивавшиеся на пляж. «Здесь кончается Испания, и здесь я утвердил свою ногу!» – провозгласил он.

Годом позже Альфонсо положил глаз на лакомый кусочек ближе к дому: город Толедо, недовольные обитатели которого сместили своего слабого мусульманского правителя аль-Кадира. Притворившись, будто хочет помочь свергнутому собрату-монарху, Альфонсо осадил Толедо. 6 мая 1085 года город был взят. Но аль-Кадир не вернул себе власти: вместо этого его отослали в Валенсию, бывшую некогда колонией Толедо, где он и остался, исполняя роль марионеточного правителя. Таким образом Альфонсо завладел городом, который до недавнего времени был одним из самых могущественных в мавританской Испании. Взятие Толедо стало важной вехой как политически, так и символически. Оно потрясло исламский мир^[35]. «Мы столкнулись с врагом, который не оставит нас в покое: разве можно кому-нибудь выжить в корзине со змеями?» – сетовал один современник^[36]. Теперь Альфонсо властвовал над большей частью долины Тахо, и значительное число мусульман как внутри, так и вне стен Толедо обнаружили, что живут уже не в тайфе, а под протекцией христианского короля.

Альфонсо не стал устраивать бесчеловечную резню, которой запомнилось взятие Барбастро двумя десятилетиями ранее; в обмен на уплату ежегодного налога он гарантировал мусульманам свободу вероисповедания и оставил в их распоряжении центральную мечеть Толедо. Но эталоном толерантности его не назовешь: в 1086 году Альфонсо объяснил духовенству захват Толедо тем, будто он знал, что «это усладило бы взгляд Бога, если бы я, Альфонсо-император, под водительством Христа смог вернуть ревнителям веры город Его, который нечестивцы, подчиняющиеся дурному руководству своего предводителя Мухаммеда, отняли у христиан»^[37]. К пафосному титулу «императора всей Испании» Альфонсо присовокупил еще один, не менее хвастливый: «император двух религий». Борьба за реализацию смелых устремлений Альфонсо обеспечит христианских правителей Испании занятием на следующие четыре столетия.

Поэт-владыка аль-Мутамид был кругом унижен Альфонсо, который с падением Толедо стал его непосредственным соседом. В поисках защиты аль-Мутамид обратил свой взор на юг, по другую сторону Гибралтарского пролива, на Марокко и западный Алжир, где властвовала известная своей жестокостью и пуританством секта берберов, которых называли Альморавидами. Альморавиды следовали крайне строгой интерпретации Корана, покрывали лица, поселялись в неприступных монастырях – рибатах – и не тратили драгоценное время на потакание плотским удовольствиям, которым предавался двор аль-Мутамида. Сам он о своем дворе писал так: «Я прогуливаюсь меж прекрасных женщин, / придающих блеска высшему обществу. / Оружие моих воинов рассеивает тьму, / а вино, подаваемое юными девушками, / наполняет нас светом»^[38]. Лидер Альморавидов, Юсуф ибн Ташфин, называл себя эмиром мусульман – как и ненавистному Альфонсо, уверенности в себе ему было не занимать. Завоевание Альморавидами Северной Африки не оставило места для сомнений относительно их военных талантов. Обратиться к ним за помощью в делах аль-Андалусии по определению означало напроситься на неприятности. Но выбора у аль-Мутамида не оставалось. Когда Толедо

пал, он пригласил к себе армию Юсуфа ибн Ташфина, подкрепив приглашение шуткой самого черного свойства: он-де лучше будет пасти верблюдов для южан, чем сторожить свинарник неверных.

По сути, он отказывался от королевства. В начале лета 1086 года Альморавиды пересекли пролив и, соблазненные щедрыми дарами безвольного эмира Севильи, 23 октября атаковали армию Альфонсо, нанеся тому сокрушительное поражение в битве при Заллаке. Сошедшись в рукопашной с чернокожим африканским воином, Альфонсо был серьезно ранен в бедро: кинжал проник так глубоко, что пришили ногу короля к седлу^[39]. Альфонсо потерял триста рыцарей и около половины своего войска, насчитывавшего две с половиной тысячи солдат, но его репутация пострадала еще серьезнее. Позже один марокканский хронист назовет эту битву «одной из самых славных побед в аль-Андалусии... которой Господь... дал укорот амбициям Альфонсо»^[40]. Юсуф приказал погрузить отрубленные головы поверженных христиан на повозки и отправил их в города аль-Андалусии^[41]. А потом уехал восвояси, позволив Альфонсо сохранить за собой Толедо. И тому и другому было о чем поразмыслить.

Посылая за Альморавидами, аль-Мутамид понимал, что заключает сделку с дьяволом, и в 1090 году ужасные последствия избранной им стратегии проявились со всей очевидностью. Безусловно, Юсуф стремился сохранить исламскую веру и единство в аль-Андалусии, но, посоветовавшись с опытными законниками из Марокко, решил, что это не обязывает его сохранять правление слабых и беспомощных эмиров тайф. Согласие последних платить дань неверному северному монарху фатально их компрометировало, и Юсуф решил, что пришло время заменить их кем-то, кто лучше сумеет защитить ислам.

Когда в сентябре Альморавиды напали на соседей аль-Мутамида, правителей Малаги и Гранады, и свергли их, стало совершенно ясно, что последует дальше. Летом 1091 года Юсуф пошел на аль-Мутамида и осадил Севилью. Причем на этот раз аль-Мутамид послал мольбу о помощи королю Альфонсо, который в тот момент пребывал в отъезде, занятый войной с эмиром тайфы Сарагоса. Альфонсо откликнулся на призыв, но было уже поздно. В ноябре Севилья пала. Сыновьям аль-Мутамида пришлось отдать ключи от алькаса, а поэта-короля посадили на корабль и увезли в плен в Марокко. Аль-Мутамид решил судьбу не только своего королевства, но и других государств-тайф, которые к концу его века почти все покорятся Альморавидам и станут частью североафриканской империи, которая в религиозном смысле (как минимум теоретически) подчинялась багдадскому халифу из династии Аббасидов. У христианских государств севера отвоевать почти ничего не удалось, но и парию они больше не собирали. Во всех других отношениях затея аль-Мутамида окончилась полным провалом.

Аль-Мутамид, покидающий свое королевство, являл собой жалкое зрелище. Поэт Ибн аль-Лаббана, современник Ибн Хамдиса и его друг по рассеянному теперь по миру кружку литераторов, некогда резвившихся при севильском дворе, написал:

Я позабуду все,
Кроме того утра
На Гибралтаре,
Когда их тащили на корабли,
Как мертвецов в могилы...^[42]

Печаль его была, без сомнения, оправданной. Аль-Мутамид, томясь в темнице в Акмате, написал не менее горькие строки о постигшей его несчастной судьбе:

Своим оковам говорю:
Моей мольбе внимлите!
Отдан я вам во власть,
Но почему безжалостны вы столь
И столь жестоки?^[43]

В 1095 году его убили. Его соперник Альфонсо VI дожил до 1109 года и умер во время обороны Толедо от Альморавидов. Пытаясь задобрить мусульман, живущих под его властью, он взял в наложницы женщину по имени Заида, одну из невесток аль-Мутамида. Но дальше этого его попытки договориться с мусульманами не заходили.

Ибн Хамдис в очередной раз стал изгнанником. Бежав с Сицилии и прожив тринадцать лет в Севилье, он увидел, как новая его родина повторяет судьбу старой, разорванная на части войной и захваченная чужаками – пусть в этом случае мусульманской, а не христианской веры. В 1091 году, когда аль-Мутамида пленили, Ибн Хамдису снова пришлось спасаться бегством. После этого он всю оставшуюся жизнь скитался по дворам Ифрикии, Алжира и Марокко, где зарабатывал на жизнь пером, пока не закончил свои дни на Майорке. Под конец жизни он ослеп и умер в 1133 году, на пороге восьмидесятилетия, одинокий и преисполненный сожалений. В своих стихах Ибн Хамдис советовал читателю всеми силами избегать судьбы, выпавшей на его долю. «Прикуй себя к родине, любимой тобою, – писал он, – и умри в своем собственном доме»^[44].

Глава 3

Империя в осаде

Священнейшая империя греческих христиан тяжело сокрушается...

Византийская принцесса Анна Комнина родилась 2 декабря 1083 года в буквальном смысле в порфире – в Порфирном зале Большого дворца ее отца в Константинополе. Роды были долгими и трудными, и позже она с гордостью перескажет историю, которой ее мать любила объяснять, почему они тянулись более двух суток. В то время, когда Анна должна была появиться на свет, ее отец, византийский император, был в отъезде. Двор нервно ждал его возвращения с войны против нормандцев южной Италии. Пятнадцатилетняя мать Анны запечатлела на своем раздутом животе знак креста и поклялась не рожать дитя, пока ее супруг не вернется благополучно домой. Такое упорство произвело во дворце некоторое беспокойство, поскольку возвращения императора ждали только через месяц. К счастью, он вернулся как раз вовремя, чтобы его первенец родился в положенный срок. Как писала сама Анна, это «явно свидетельствовало о том расположении к родителям, которое я питала еще во чреве матери и которое проявилось в будущем. Ведь и впоследствии, когда я выросла и стала разумной, я нежно любила как мать, так и отца»^{9[45]}.

Родиться византийской принцессой – само по себе привилегия; появиться на свет в Порфирном зале – поистине восхитительная судьба. Окна зала выходили на пролив Босфор, из них открывался вид на гавань и сверкающую синеву Мраморного моря за нею. Четырехугольный, со стенами, сходящимися к пирамидальной крыше, зал был вымощен и облицован мрамором, который «почти весь [был] пурпурного цвета и по всей поверхности, как песчинками, усеян белыми крапинками»^[46]. Это и был порфир, или пурпур, камень императоров, который издавна добывался в каменоломнях в восточных пустынях Египта. Из него была построена и колонна Константина, воздвигнутая в IV веке в честь основания великого города – новой столицы Римской империи. Пурпур был императорским цветом, и носить его могли только члены императорской семьи. Императоры надевали пурпурную одежду, выкрашенную пахучим экстрактом морских моллюсков. Они увешивали свои дворцы пурпурными украшениями. Они даже подписывали документы пурпурными чернилами. И только дети правящих императоров имели право родиться в стенах этой пурпурной комнаты, и потому их называли порфирородными (*porphyrogennitos* и *porphyrogennita*). Анна входила в этот закрытый царственный круг, за что и была вечно признательна родителям.

Венценосными родителями Анны были император Алексей I Комнин и его жена Ирина Дукиня. Ирина – дочь высокопоставленного военачальника и болгарской аристократки; Алексей, волевой полководец, узурпировал византийский трон в результате переворота в 1081 году, за два года до рождения дочери. Описывая родителей, Анна превозносила обоих до небес: Алексей «был подобен молнии... Дугой изгибались его черные брови, из-под которых глаза глядели грозно и вместе с тем кротко... Широкие плечи, крепкие руки, выпуклая грудь – весь его героический облик вселял в большинство людей восторг и изумление». Ирина же «была подобна стройному, вечноцветущему побегу, части и члены ее тела гармонировали друг с другом... лицо ее излучало лунный свет; по щекам ее расстился луг, и даже тем, кто смотрел на нее издали, он казался усеянным розами»^[47]. Сама же Анна, родившаяся и выросшая в дворцовой роскоши на берегах Босфора, рано проявила сохранившуюся на всю жизнь тягу к наукам, литературе, риторике и философии. Она окружила себя учеными мужами, которых щедро

⁹ Здесь и далее пер. Я. Н. Любарского.

спонсировала и с которыми любила поспорить. Один из них называл ее мудрой Анной, абсолютным умом, обиталищем харит^[48].

Под конец жизни Анна принесла науке и своим обожаемым родителям драгоценный дар – обширную историю царствования своего отца, первую серьезную западную историю, созданную женщиной. Написанный на греческом языке с основательным оправдательным уклоном, ее труд, названный «Алексиадой», описывает, объясняет и находит извинения событиям, имевшим место в период от узурпации Алексеем власти в 1081 году и до его смерти в 1118 году. Книга позволяет взглянуть изнутри на напряженную политическую ситуацию, сложившуюся в Византийской империи на рубеже XI–XII столетий. Живое повествование «Алексиады» наполнено слухами, тайнами, портретами византийцев, их друзей и врагов, батальными сценами, запутанными политическими интригами и непринужденными аллюзиями на тексты историков прошлого. Несмотря на пристрастность Анны по отношению к отцу – человеку, по ее словам, «непревзойденных достоинств», – книга, тем не менее, в красках описывает бремя, которое навалилось на империю и императора в 1080-х и 1090-х годах^[49]. Что важно, в ней объясняется судьбоносное решение, принятое Алексеем в 1095 году: обратиться к западным правителям с просьбой о помощи в защите державы. Это решение проложило путь на Восток армиям крестоносцев, которые потекли туда рекой, принеся с собой эпохальные перемены.

Византийская империя, где родилась Анна Комнина, хотя и была в культурном и языковом отношении греческой, на самом деле являлась прямым продолжением Римской. В позднем Средневековье историки стали именовать ее Византией по названию столицы – Константинополя, который некогда был Византием (сегодня это Стамбул). Но в эпоху Анны и ее отца город и империю называли иначе. В 330 году Константин Великий окрестил столицу Новым Римом – это был крупный административный центр, стратегически расположенный на пересечении ряда важных торговых и военных путей. Отсюда римские императоры могли защищать интересы Рима в восточном Средиземноморье – в Египте, Фессалии, Фракии, Малой Азии, в Сирии и верхней Месопотамии. Это был настоящий римский город, застроенный красивыми зданиями, с обширными общественными пространствами: были там и форум, и ипподром. В 395 году, после раздела Римской империи, Константинополь стал столицей Восточной Римской империи и устоял, когда пятнадцатью годами позже «старый» Рим был захвачен и разграблен, а Западная империя рухнула. Спустя семь столетий после этих бурных событий Анна, ее семья, да и все остальные, продолжали называть свою империю Римской, а себя – ромеями, и Алексей был «римским императором». Даже носители арабского языка называли эту страну «земля римлян»^[50].

В середине XI века Византия по-прежнему владела огромными территориями помимо Константинополя и непосредственных его окрестностей. На западе империя тянулась до Апулии и Калабрии в Италии и до Далмации на северном берегу Адриатического моря. На Балканах императору теоретически была подвластна почти вся территория от Дуная до Пелопоннеса; его владения достигали Крымского полуострова и северного побережья Черного моря. В восточном Средиземноморье ему принадлежали острова Крит, Родос и Кипр. На суше же византийские доминионы Ближнего Востока включали в себя Малую Азию, Киликию, побережье Великой Сирии, в том числе город Антиохию, верховья рек Тигр и Евфрат, а также соленые воды озера Ван, сформированного вулканами, которые сегодня сторожат границу, отделяющую Турцию от Ирана и Азербайджана. Теоретически всеми этими землями управляли из Константинополя, где Алексея чаще всего можно было застать в его любимой резиденции:

перестроенном и надежно укрепленном Влахернском дворце на севере города, сразу за широкой стеной, укрывавшей город от нападения с суши.

Или все-таки не всеми? Когда в 1081 году Алексей выбил императорский трон из-под незадачливого Никифора III, он обнаружил, что к короне прилагается гора проблем. Начать с того, что бунты аристократов всех мастей, которые Алексей разжигал против Никифора, даже не думали угасать; масла в огонь подливал и тот факт, что сам Алексей, которому на тот момент сравнялось двадцать пять лет, узурпировал власть, чем поставил под сомнение и свое право на византийский престол. Не менее серьезными были внешние угрозы, нависшие над окраинами империи. В Италии (как нам уже известно) нормандские авантюристы Роберт Гвискар и Рожер I Сицилийский захватили Калабрию и Апулию и укрепляли свое положение, покоряя Сицилию, которая некогда, еще до эпохи арабов, тоже была колонией Византии. Проникли нормандцы и на Балканы: одолев в 1081 году императорскую армию в бою при Диррахии (сегодня это город Дуррес в Албании), Роберт Гвискар уже примеривался к фессалийским и македонским землям империи.

В тот же период северные владения Византии со стороны Дуная регулярно подвергались набегам печенегов – полукочевого племени, известного своей склонностью к беспощадному, свирепому насилию, которое они в разные времена обрушивали на многих своих соседей, не исключая и византийцев. Анна Комнина именovala печенегов скифами – собирательным названием бесчисленных народов, обитавших к северу от Черного и Каспийского морей.

И наконец, с востока империи угрожал тюркский народ сельджуков. Они представляли собой угрозу столь же неослабевающую, сколь нормандцы, и не менее опасную, чем печенеги. Как и печенеги, сельджуки представляли собой свободный союз тюркских племен, происшедших из центральноазиатской степи и говоривших на огузских языках. В эпоху Анны Комнины они уже завоевали большую часть Персии, по пути обращая народы в суннитский ислам. Чиновник по имени Ибн Хассул, состоявший на службе у сельджуков, писал: «Аллах сотворил их подобными львам, с широкими лицами и приплюснутыми носами, с крепкими мышцами и огромными кулаками... Они взбираются на горы, рискуют жизнью, пробираясь через крутые скалы и узкие ущелья, и проникают в неизведанные земли»^[51]. В 1070-х годах сельджуки, эти умелые всадники и свирепые воины, добрались до Анатолии. В августе 1071 года императорская армия потерпела от них унижающее поражение в битве при Манцикерте в восточной Анатолии, где византийцев наголову разбили войска под командованием сельджукского султана Алп-Арслана¹⁰. С тех пор сельджуки принялись сколачивать в Малой Азии собственную империю, которая станет называться Румским султанатом.

По понятным причинам Анна была враждебно настроена по отношению к этим расхитителям империи и называла тюрков (Тоῦρκοι – слово «сельджуки» она не использовала) вероломными варварами^[52]. Еще один хронист, живший несколько позже, называл их «крылатые змеи... кровожадные звери... дикий народ неверных»^{11[53]}. Свою репутацию они оправдывали. К 1085 году сельджуки либо уже захватили, либо вот-вот должны были захватить многие из городов Византийской империи, даже далеко на западе – например, Смирну, которую от Константинополя отделяло едва ли 300 километров. К 1091 году империя была окружена со всех сторон. По дворам Западной Европы поползли слухи, будто Византия близка к падению. Варвары снова стояли у врат Рима. Именно в этот момент, подобно своему современнику аль-Мутамиду, эмиру тайфы Севилья, император Алексей решил, что единственная его надежда спасти трон – пригласить кого-нибудь повоевать за него.

¹⁰ В битве при Манцикерте (26 августа 1071 г.) Алп-Арслан взял в плен тогдашнего императора Византии Романа IV Диогена и сделал его своим должником, отпустив в обмен на крупный выкуп. Попытавшись вернуться в Константинополь, Роман столкнулся с открытым сопротивлением, был низложен и безжалостно ослеплен. В 1072 году он скончался от инфекции, развившейся в ранах.

¹¹ Пер. Е. А. Гуринова.

Решение Алексея отразить угрозу Византийской империи, обратившись за помощью со стороны, не назовешь оригинальным. Так уж повелось, что военные союзы для Византии были нормой жизни: править империей такого гигантского размера, руководствуясь жестким догматизмом или какими бы то ни было религиозными интересами, невозможно; тут требовался скорее политический и военный прагматизм. Проблемы множились, и император принялся искать союзников везде, где только мог.

29 апреля 1091 года Алексей расправился с печенегами, втянув их в битву и почти полностью истребив на равнине у горы Левунион, недалеко от устья реки Эврос (Марица) во Фракии. Для печенегов это было сокрушительное поражение, а для императора, вероятно, величайший его военный успех. Решающим оказался тот факт, что в рядах византийской армии в тот день сражались другие степные воины – куманы (половцы). Однако никаких симпатий византийцы к куманам не испытывали: Анна пишет, что те якобы вечно жаждали «хлебнуть человеческой крови, вкусить человеческого мяса и унести из нашей страны богатую добычу»^[54]. Однако хорошенько задобренные, куманы помогли Алексею одержать триумфальную победу. Описывая битву, Анна, естественно, наделяет своего отца главной ролью:

...[он] въехал на коне в гущу врагов... наносил удары пытавшимся сопротивляться, а находившихся вдали устрасал криками... В тот день... погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах^{12[55]}.

Но если с печенегами удалось покончить сравнительно легко, опасность, исходившая с Востока, от турок-сельджуков, была совсем иного порядка. Ситуация дополнительно осложнилась из-за непоследовательной политики Алексея в отношении сельджуков в первое десятилетие царствования. Несмотря на регулярные вылазки турок на византийские территории, император периодически протягивал им руку дружбы. Перед битвой при Диррахии в первый год своего правления он заручился их помощью в сражении против нормандцев, в 1080-х годах поддерживал деловые отношения с сельджукским султаном Мелик-шахом, правившим в Багдаде, а также с рядом турецких вождей на территории Малой Азии. Алексей умиротворял турок, отдавая им в управление те малоазиатские города, которых турки домогались и которые, как считал Алексей, можно было препоручить турецким губернаторам, готовым проводить политику имперских властей, – при условии, что они возьмутся оборонять эти города от вышедших из повиновения императорских вассалов или разномастных врагов из дальних стран^[56]. В какой-то момент император даже подумывал, не согласиться ли на предложение Мелик-шаха, желавшего женить своего старшего сына на принцессе Анне (сделка не состоялась лишь потому, что Анна еще при рождении была обручена с византийским принцем, родственником со стороны матери)¹³. Пытаясь сдерживать сельджуков такими методами, Алексей играл с огнем, но вариантов получше у него было немного.

В 1091 году стало очевидно, что стратегия осмотрового сотрудничества с сельджуками с треском провалилась. В тот год Мелик-шах умер, и на престол вззошел его сын, который немедленно продемонстрировал нежелание идти на уступки. Довольно скоро дружественных

¹² Пер. Я. Н. Любарского.

¹³ Суженым Анны был порфирородный Константин Дука, сын низложенного императора Михаила VII Дуки (прав. 1071–1078), с 1081 по 1087 год официальный соправитель Алексея. До обручения с Анной Комниной Константин был обручен с Олимпией, дочерью Роберта Гвискара. Аннулирование этой договоренности послужило поводом для вторжения Роберта в земли империи. Не зря слово «византийский» в современном английском языке стало синонимом выражения «непостижимо запутанный».

турецких губернаторов византийских крепостей заменили враждебно настроенными. И уже через четыре года, в 1095 году, вся эта ненадежная конструкция окончательно рассыпалась. Турки правили городами от Антиохии на востоке до Никеи, Никомедии и Смирны на западе и полностью контролировали Эгейское побережье Малой Азии. Сербские племена проникали на балканские земли империи, и, чтобы выгнать их оттуда, властям приходилось снаряжать регулярные военные экспедиции. Ресурсы Алексея таяли, а бремя постоянной войны вкупе с необходимостью подкупать союзников опустошало казну. Содержания золота в монетах пришлось снизить, что серьезно подорвало как стоимость денег, так и доверие к ним. Жители Константинополя – аристократы, военные, двор и церковь – недовольно роптали. «Алексей пришел к власти при помощи переворота, – шептались его подданные, – так почему от него нельзя избавиться тем же способом?»^[57] Император столкнулся с глубочайшим кризисом. И в этих обстоятельствах Алексей избрал путь, который, несмотря на свою неоригинальность, станет судьбоносным: он решил просить о помощи Запад.

Учитывая, сколько неприятностей нормандцы за долгие годы доставили Византии, может показаться странным, что в 1090-х годах Алексей решил искать поддержки в том самом направлении, откуда и являлись его мучители, подобные Роберту Гвискару. Анна Комнина, когда писала свой труд, оглядываясь в прошлое, называла народы Западной, или «латинской», Европы собирательным именем «кельты», и уж кельтам-то она ни при каких обстоятельствах доверять не советовала. Но в середине 1090-х годов ее отец отчаянно нуждался в помощи и, исходя из собственного опыта, считал, что иногда человеку случается набрести на кельта, которому можно хоть и с оглядкой, но доверять. В начале своего царствования Алексей выплатил германскому императору Генриху IV огромную сумму в триста шестьдесят тысяч золотых марок, чтобы тот атаковал Роберта Гвискара в Италии: удачная сделка, которая отвлекла нормандцев от набегов на византийские владения^[58]. Десятилетие спустя Алексей одержал величайшую свою военную победу – разгромил печенегов при Левунионе – при помощи пятисот рыцарей из Фландрии, отправленных на подмогу их сеньором, графом Фландрии Робертом¹⁴, который познакомился с Алексеем в 1089 году, возвращаясь из паломничества в Иерусалим^[59]. Не все кельты были испорченными до мозга костей. Если оно того стоило, Алексей не гнушался союзничеством с турками и половцами и точно так же с превеликой радостью обращался за помощью к христианам Запада, если это могло послужить интересам его империи.

В 1091 году, примерно в то же время, когда прогремела великая битва при Левунионе, из Константинополя было отправлено письмо «Роберту, господину и славному графу Фландрии, и всем князьям всего мира, ревнителям христианской веры, и простолюдинам, и клирикам». В письме с горечью сообщалось, что «священнейшая империя греческих христиан тяжко сокрушается печенегами и турками, которые ежедневно ее разоряют». Автор письма рассказывал ужасные истории о зверствах, совершаемых турками повсюду в империи: святые места разрушаются, мирных жителей обезглавливают, епископов насилюют, мальчиков силком обрезают и заставляют мочиться кровью в крестильные купели, насильники обещивают «девственниц на глазах матерей и заставляют их петь развратные и непристойные песни, пока не окончат свое с ними дело». Автор плакался, что «теперь уже почти ничего не осталось [от империи], за исключением Константинополя, который они угрожают забрать у нас очень скоро», и умолял графа Фландрии прислать христианских воинов из любви к Господу и ради спасения «верных греческих христиан»^[60].

¹⁴ Роберт I, граф Фландрии, и сам был связан с нормандцами: его сестра Матильда была женой Вильгельма Завоевателя, первого нормандского короля Англии (годы правления 1066–1087).

Кто автор этого письма, доподлинно неизвестно: его то приписывали лично Алексею, то списывали со счетов как явную подделку. Однако невозможно отрицать, что похожие обращения действительно рассылались от имени Алексея по всему западному миру. С 1091 года срочные призывы о помощи, вопиющие о зверствах и чудовищных оскорблениях христианских нравов, летели к благородным семействам и королевским дворам всей Европы. Во все концы отправлялись посланцы, умело игравшие как на искренних чувствах адресатов, так и на их жажде наживы. Венецианского дожа поманили щедрыми торговыми привилегиями, в том числе налоговыми льготами, юридической неприкосновенностью для венецианских купцов и эксклюзивным доступом в лучшие части портов по всей империи – в обмен на финансовую помощь истощающейся имперской казне. Французским и германским властителям византийские послы привозили церковные реликвии, а заодно мрачные предостережения относительно угрожающего состояния христианского мира и христиан Востока, чья судьба, заявляли они, зависит от всеобщей решимости объединиться против мерзких «язычников». Рассказы о невзгодах империи подкреплялись леденящими душу историями о жестоком обращении с паломниками и об осквернении святых мест в Сирии и Палестине – и даже в Иерусалиме, городе служения и страданий Христа. Цель этих пугающих рассказов была ясна: настроить христиан Запада против врагов Византии, чтобы они помогли императору победить злодеев.

Проблем у Алексея хватало, но глупцом он не был. Посылая за помощью в дальние страны, император всегда держал в уме, что эта стратегия может обернуться против него. Призывая Запад помочь ему в борьбе с турками, осаждающими Малую Азию, он отлично понимал, с кем ему придется иметь дело. Франки – это, конечно, не свирепые мавры-пуритане, прибывшие из Марокко в южную Испанию по призыву аль-Мутамида, эмира Севильи, но и они были печально известны «неудержимостью натиска, неустойчивостью и непостоянством нрава», а также тем, что «алчные до денег, они под любым предлогом легко нарушают свои же договоры»^[61]. Алексей об этом прекрасно знал, как писала его дочь, и тем не менее позвал их. Неожиданностью стало другое: «Весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли через всю Европу»^[62].

Вкрадчивые уговоры Алексея оказались гораздо эффективнее, чем он сам, его дочь Анна или кто-либо еще, включая турок, мог себе представить. А все потому, что зов с Востока был истолкован, переиначен и преподнесен восприимчивой публике блестящим оратором, римским папой Урбаном II. Отклик, которого он добился от своей паствы, на столетия вперед изменит ход истории Средиземноморья.

Глава 4

Deus Vult!

*Вы должны поспешить прийти на помощь, обещанную вами вашим
нуждающимся собратьям, живущим на Востоке...*

Урбана II избрал папой неполный конклав кардиналов, собравшийся в итальянском приморском городе Террачина 12 марта 1088 года. Такое начало не назовешь многообещающим. Террачина находится примерно в 80 километрах к югу от Рима, но в город, где испокон веку сидели папы, Урбан и его сторонники попасть не могли. В то время на престоле Святого Петра восседал антипапа Климент III, ставленник и марионетка императора Священной Римской империи, своевольного тридцативосьмилетнего Генриха IV. Войска Генриха охраняли ворота города, капризные обитатели которого склонны были учинять беспорядки по прибытии тех претендентов на папский престол, которые им не нравились. Годом ранее Урбан на правах кардинала-епископа римского порта Остия посвящал в сан недолго протянувшего папу Виктора III, и церемония проводилась в Вечном городе. Теперь же, когда пришел его черед, Урбану пришлось смириться с тем, что интронизация состоится всего-навсего в скромном соборе второразрядного приморского городка.

А ведь Урбан привык к роскошной жизни. Одо де Лажери, как его звали в миру, родился в 1030-х годах в благородной семье в Шатильоне-на-Марне, местечке в провинции Шампань на северо-востоке Франции. Германский хронист Бернольд из Сен-Блазьена писал, что Одо «выделялся благочестием и ученостью»^[63]. Пост кардинала-епископа Остии, который он занимал десять лет, с 1078 года, был престижным и обеспечил ему должность папского легата и дипломата при императорском дворе в Германии. Одо там пришлось несладко: как-то по воле императора его даже бросили в тюрьму, по счастью, ненадолго. Тогда он многое узнал о губительной политической вражде Священной Римской империи и Святого престола. По традиции, уходящей во времена Карла Великого, императоров Священной Римской империи, которые обыкновенно были к тому же еще и королями Германии и владыками чуть ли не всей центральной Европы, короновал, как правило, папа римский. Но во второй половине XI века отношения между императорами и папами окончательно расстроились. Вот поэтому коронация Урбана прошла так прозаически; поэтому же, однако, новоиспеченный папа внимательнейшим образом присматривался к проектам, способным вновь объединить христианский мир, – и это его мечтание впоследствии самым впечатляющим образом реализуется в Крестовых походах.

Хотя Урбан в конце концов дослужился до папского престола, годы своего становления он провел не с митрой, а с тонзурой на голове, потому что большую часть жизни был монахом могущественного и весьма влиятельного бургундского аббатства Ключни. Аббатство управляло разветвленной и деятельной сетью подчиненных монастырей, которые в X и XI веках как грибы росли по всей Западной Европе. Основал аббатство герцог Аквитании Гильом I Благочестивый в 910 году. Он посвятил обитель святому Петру и даровал братии свободу от любой власти за исключением папской. Монахи проводили жизнь в бесконечном торжественном цикле богослужений – непрерывной молитве, которая возносилась в стенах целого комплекса устремленных ввысь сооружений, в том числе в великолепной аббатской церкви, вторая перестройка

которой началась в год, когда Урбана избрали на папство¹⁵. Ключнийцы не стали переписывать правила монашеской жизни; они придерживались бенедиктинского Устава, который был в ходу еще с VI века, однако в гораздо более строгом его изводе. Члены ордена чурались физического труда – считали, что он отвлекает от жизни, посвященной созерцанию, и, несмотря на то, что службу свою они несли в роскошной обстановке, обетов молчания, молитвы и уединения монахи Ключни придерживались с пуританской строгостью.

Ключнийцы не только внесли серьезные изменения в монашеский распорядок дня, но также изобрели новый способ объединить свои монастыри и их насельников. Теперь все они входили в Ключнийский орден – конгрегацию монашествующих, строивших свою идентичность на принадлежности к единому международному сообществу, а также придававших большое значение функциональности, величию, пышности и помпезности церковных строений.

Традиционные бенедиктинские монастыри представляли собой отдельные дома, соблюдавшие один и тот же устав под властью независимого аббата, но каждая ключнийская обитель являлась частью организации, полностью подконтрольной монастырю в Ключни. «Дочерние» обители назывались приоратами и подчинялись аббату Ключни, в каком бы королевстве ни располагались^[64]. К концу XI века таких дочерних монастырей насчитывалось уже больше тысячи: были среди них как новооснованные, так и старые обители, переданные в подчинение Ключни по воле попечителей.

Итак, юный Одо из Лажери отправился в Ключни и поступил в престижный главный монастырь. Ему повезло: он прибыл в аббатство, когда настоятелем был выдающийся государственный деятель и будущий святой по имени Гуго (Гуго из Семюра, позже святой Гуго Ключнийский). Невероятная энергия Гуго, сила его личности и тесные связи с могущественными королями и родовитой знатью своего времени служили примером того, каких политических высот может достичь монах. При этом сам аббат до конца своих дней покровительствовал Одо: он назначил его на престижную должность приора Ключни, продвигал в высшие дипломатические круги и неизменно оставался его другом. Одо любил родное аббатство, в старости он говорил, что Ключни «сияет над землей как второе солнце»^[65]. Это Ключни подогревал его страсть к централизации и реформированию церкви. Это Ключни определил его взгляды на отношения христиан и мусульман в Средиземноморье и укреплял его уверенность в преобразующей силе массового паломнического движения. В общем, несмотря на то что в 1078 году Одо покинул Ключни и уехал в Рим, поступив в распоряжение нового, не менее выдающегося наставника – папы Григория VII, большая часть того, что он усвоил в Ключни, осталась с ним до гробовой доски. Дела, в которых участвовало Ключни, и структуры, посредством которых аббатство продвигало свою повестку, сформировали его как папу и, как следствие, оказали влияние на развитие крестовых походов в целом^[66].

Казалось бы, аббатство Ключни, расположенное близ городка Макон в южной Бургундии, более чем в 800 километрах от маврской Испании, в 1130 километрах от Сицилии и 1930 километрах от Константинополя, отстояло на порядочное расстояние от тех мест, где в XI веке нарастало напряжение между мусульманами и христианами. Однако история аббатства говорила о другом. Всего сто лет тому назад настоятелем Ключни был тихий книжный червь и педант по имени Майоль (954/6–994), такой благочестивый, что имел привычку чуть ли не ежедневно разражаться слезами религиозного восторга^[67]. И вот этому Майолу пришлось на собственной шкуре испытать последствия вражды мусульман и христиан. В 972 году, когда аббат проез-

¹⁵ Историки называют эту вторую перестройку аббатской церкви в Ключни «Ключни III»; по завершении строительства храм в Ключни стал крупнейшим церковным сооружением в мире.

жал Альпы, на него и его спутников напали арабы, которые переселились в эти места из аль-Андалусии, основав укрепленный анклав во Фраксинете (который они называли Джаляль аль-Хиляль – сегодня это городок Ла Гард-Френе, расположенный по соседству с Сен-Тропе). Арабы похитили Майоля, предложили ему перейти в мусульманство, а получив отказ, заковали в железо и бросили в подземелье, сообщив монахам Ключни, что они могут выкупить своего аббата за тысячу фунтов серебром^[68]. К счастью для Майоля, Ключни купался в деньгах, так что добрый аббат вернулся домой живым и невредимым и прожил еще двадцать лет, демонстрируя чудесную способность заживлять собачьи укусы и исцелять хвори вроде слепоты, паралича и лихорадки. Арабам Фраксинета, к слову, повезло меньше. В следующем, 973 году, граф Гильом I Прованский отомстил за честь Ключни, собрав армию и наголову разбив похитителей Майоля на равнине Туртур у Фраксинета. Всех их обратили кого в бегство, кого в рабство или прикончили на месте. Случилось это задолго до Одо, но сама история была известна всем и каждому и учила двум важным вещам. Во-первых, врагов Ключни можно с легкостью приравнять к врагам Христа. Во-вторых, карательные военные меры – единственный язык, который эти люди понимают.

Но не только рассказ о злоключениях Майоля сформировал мировоззрение Одо: аббатство активно поддерживало Реконкиту, войну, которую христианские королевства северной Испании вели с мусульманскими тайфами южной. Ключнийские обители стояли вдоль дорог, ведущих из Франции и северной Италии в Испанию, поскольку многие престижные монастыри изначально строились как остановочные пункты, где паломники, пересекающие Пиренеи по пути в Сантьяго-де-Компостелу, или добровольцы, желающие поучаствовать в испанских войнах, могли выпасться, поесть, помолиться и подивиться на священные реликвии^[69]. Более того, когда христианские королевства Испании отвоевывали у арабов новые территории, ключнийцы строили там новые монастыри, создавая базу для пропаганды среди мозарабских христиан и выкрестов из мусульман и производя впечатление как на простолюдинов, так и на дворян своей репутацией *celebritas, probitas u sanctitas* (величие, честность и святость)^[70].

Когда Одо жил в Ключни, аббатство поддерживало тесные и, более того, личные контакты с Испанией. Аббат Гуго был не только доверенным лицом и советником, но и дядей великого воителя Реконкиты короля Кастилии и Леона Альфонсо VI, и монахи Ключни прилежно молились о благополучии и спасении его души. (Учитывая, что Альфонсо бросил в тюрьму одного из своих братьев и, вполне вероятно, приложил руку к убийству другого, поводов для молитв у них было предостаточно.) В благодарность за усилия, предпринимаемые монахами Ключни для очищения души короля и повышения духовного благополучия королевства – а заодно и для развития паломничества, – Альфонсо проследил, чтобы орден не остался внакладе. Начиная с 1077 года он ежегодно отсылал в Ключни по две тысячи золотых монет (ауреев), а разовые выплаты по требованию бывали еще больше. Этот щедрый обязательный платеж, позволявший аббату Гуго строить с таким небывалым размахом, финансировался за счет непомерной дани, которой Альфонсо обложил эмиров тайф, в том числе аль-Мутамида из Севильи, аль-Муктадира из Сарагосы и аль-Мутаввакиля из Бадахоса^[71]. Движение средств тайны не составляло: Альфонсо брал деньги у соседей-иноверцев и при посредничестве Ключни инвестировал их в прославление христианской церкви.

Таков был образец, с которым Урбан сверял свои представления о церкви в целом: она должна быть централизованной, воинственной, не упускающей шанса воспользоваться плодами народной набожности – особенно когда речь идет о дальних странствиях, – укреплять связи с приоратами и королевскими семействами и всецело поддерживать наступление на силы ислама в Средиземноморье. Весьма показательно, что одним из самых эффектных шагов бывшего ключнийца Урбана в первый год папства стала булла, наделявшая испанский город Толедо (который Альфонсо отвоевал у мусульман в 1085 году) преимущественным правом решения всех духовных вопросов в землях южнее Пиренеев. Позднее он назначил Бернара Седирак-

ского, еще одного бывшего клюнийского монаха, первым архиепископом Толедо. В сопроводительном письме Урбан одобрительно замечал:

...усилиями достославного короля Альфонсо и тяжкими трудами христианского народа город Толедо после изгнания мусульман вернулся к соблюдению христианских обрядов... [Мы], как и подобает, возносим хвалу Господу за то, что он даровал христианам наших дней такую блистательную победу^[72].

Это был точный и хороший расчет: что завоеует воин, освятит папа.

В общем, жизнь в Клуни наложила на Урбана свой отпечаток. Но это лишь часть истории Одо, поскольку его представления о роли и задачах папства формировались под влиянием самого воинственного из его предшественников: великого «папы-реформатора» Григория VII. Григорий, который родился в Тоскане году примерно в 1015-м и при рождении получил от родителей весьма скромного происхождения благозвучное имя Гильдебранд, был понтификом жестким и неуступчивым: небольшого роста, со слабым голосом, он добивался своего сочетанием невероятной властности, неуживчивости и самонадеянности. Даже его друг, мыслитель Петр Дамиани, как известно, называл Григория «святым чертом». Недруги же наделяли его куда более оскорбительными прозвищами.

С момента интронизации в 1073 году и до смерти в 1085 году Григорий преследовал свою главную цель: изменить положение папства в христианском мире, продолжая – и углубляя – традицию, заложенную еще в период понтификата Николая II (1059–1061). Вопросы, на которые обратили свое ревностное внимание реформаторы церкви, касались симонии (покупки и продажи церковных должностей), а также браков духовных лиц. Но гвоздем программы «григорианских» реформ выступало настоятельное требование, чтобы все светские правители – будь то императоры, короли, да кто угодно – признавали верховную власть наместника Христа на земле. В 1075 году Григорий издал документ под названием *Dictatus Papae* («Диктат папы»), где в непредполагающей возражений манере изложил политическую основу своего папского правления. Документ состоял из двадцати семи аксиом, утверждавших доктрину абсолютной власти и непогрешимости пап; он гласил, что все папы по определению святые, а кроме того, обладают исключительным правом созывать соборы, избирать епископов, судить самые важные дела в церковных судах и смещать неугодных королей и императоров^[73].

Такое категоричное представление о том, что значит быть папой, не только обнаруживало самоуправство и эгоизм Григория – оно стало причиной длительной и ожесточенной вражды между папой и императором Священной Римской империи Генрихом IV, в ходе которой Григорий трижды отлучал Генриха от церкви, а император, в свою очередь, объявлял Григория низложенным, выдвигал собственных антипап и применял военную силу, чтобы усадить их на престол в Риме. В отместку Григорий вступил в военный союз с совершеннейшим безбожником Робертом Гвискаром и нормандцами южной Италии. (Достижения этого союза иначе как сомнительными не назовешь: в 1084 году, защищая Григория от неприятеля, нормандцы разграбили и сожгли половину Рима.)

В основе конфликта Григория и Генриха IV лежал принципиальный вопрос: кто – император или папа – имеет право назначать епископов. Спор перерос в противостояние, которое переживет обоих и ослабит западный христианский мир, столкнув церковных иерархов с королями, что в отдельных случаях повлечет за собой в буквальном смысле убийственные

последствия¹⁶. Конфликт этот с самого начала будет оказывать серьезное влияние на понтификат Урбана. Сам выбор имени «Урбан» говорил о желании нового папы восстановить мосты, сожженные Григорием (Урбан I, скончавшийся в 230 году, прославился умением обращаться со схизматиками). Урбан хотел отыскать общее дело, которое могло бы сплотить христиан Запада. И как раз такое дело подвернулось ему в 1095-м, на седьмом году понтификата, когда послы обложившего со всех сторон византийского императора Алексея I Комнина перешли Альпы. Они явились просить Урбана помочь собрать армию верующих и отправить ее на подмогу несчастным братьям-христианам Востока, которых, как сказали послы, безжалостно убивают бесчинствующие турки.

В первую неделю марта 1095 года эмиссары Алексея отыскиали Урбана в Ломбардии – на берегах реки По, в городе Пьяченца, служившем остановкой на пути пилигримов в Рим. Формально это была территория, подконтрольная императору Священной Римской империи, но на деле ее жители отвергли власть Генриха IV, взбешенные, вероятно, тем фактом, что пятью годами ранее лазутчики, подсланные императором, выкололи глаза местному епископу^[74]. В Пьяченце Урбан проводил собор – церковный совет, где планировал обсудить самые разные вопросы, от скандалов в королевских семьях до проходных церковных реформ. Папа очень любил созывать соборы – за одиннадцать лет своего папства он проведет их с десятком. Согласно официальным записям, собор в Пьяченце был особенно представительным: присутствовало четыре тысячи духовных и тридцать тысяч светских лиц. Делегатов было так много, что несколько сессий пришлось провести в чистом поле за стенами города.

Присутствовавшим в Пьяченце довелось узнать немало интересного. Они выслушали дипломатов, заявивших протест от имени короля Франции Филиппа I, которого Урбан отлучил от церкви в наказание за незаконный развод с женой по причине ее излишней полноты и недостаточной плодovitости и женитьбу на любовнице, которая – очень некстати – уже была замужем за графом Анжуйским, довольно сварливым типом. Они заслушали жалобу императрицы Священной Римской империи Евпраксии на супруга Генриха IV, который чинил ей горькие обиды. В числе менее скабрёзных вопросов обсуждались детально проработанные запреты симонии и различных ересей, а также отклонения церковного календаря от астрономического. Все это были важные пункты программы реформ Урбана, но ни одна из них не повлечет за собой таких долгоиграющих последствий, как явление византийских эмиссаров, принесших плохие вести.

Кто были эти послы, когда именно они прибыли (собор проходил с 1 по 7 марта) и что конкретно сказали, история до нас не донесла^[75]. Но сообщение, записанное Бернольдом из Сен-Блазьена, передает суть ими сказанного. Послы, как пишет Бернольд, от имени императора

... смиренно умоляли господина папу и всех верующих во Христа, чтобы они оказали ему хоть какую-то помощь против язычников во имя защиты Святой Церкви, которую язычники почти уже уничтожили в тех землях и овладели этими землями до самых стен города Константинополя. Итак, господин папа побудил многих к этой помощи, чтобы они также под присягой

¹⁶ Убийство архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета рыцарями, верными английскому королю Генриху II, было непосредственно связано с этим же затянувшимся конфликтом.

обещали, что отправятся туда с согласия Божьего и по мере своих сил окажут этому императору вернейшую помощь против язычников^{17[76]}.

Идите на Восток, сказал Урбан тысячам мирян и клириков, съехавшихся в Пьяченцу. В это трудно поверить, но они его послушались.

Решение Урбана оказать поддержку Алексею Комнину не было ни импульсивным, ни необычным. С первых дней на Святом престоле папа подталкивал к активным действиям христианских королей, воюющих с мусульманскими правителями, в том числе Альфонсо VI и Рожера Сицилийского. О Византийской империи папа тоже не забывал и уже принялся осторожно обсуждать шансы на улучшение отношений между разобщенными Римской и Греческой церквями: в какой-то момент он даже съездил на Сицилию (где проводились службы как по латинскому, так и по греческому обряду), чтобы обсудить этот вопрос с Рожером^[77]. Две ветви Церкви официально были в расколе с 1054 года, разделенные фундаментальным теологическим спором о природе Святого духа, непримиримым расхождением во мнениях по вопросу, дрожжевой или бездрожжевой хлеб должно использовать в таинстве причастия, и неспособностью договориться о порядке старшинства между папой римским и патриархом константинопольским. Урбан, стремившийся преодолеть конфликт между императорами и папами Западной церкви, не менее страстно мечтал найти способ перекинуть мост и через этот Великий раскол.

Урбану наверняка было хорошо известно, что двадцатью годами ранее, в 1071-м, после катастрофического поражения византийцев в битве с турками при Манцикерте, папа Григорий рассылал письма великим и сильным западного христианского мира, письма, содержащие решительные, но по существу пустые заявления о желании «помочь христианам, которые тяжело страдают от частых нападений сарацин»^[78]. В 1070-е годы эти призывы вызвали мало интереса и никого не подтолкнули к сколько-нибудь решительным действиям. В 1090-е годы, однако, Константинополю грозила куда более реальная и серьезная опасность. Нагнетая обстановку, послы Алексея сочетали мольбы о помощи с сенсационными рассказами о поруганиях паломников и святых по всей Святой земле и с леденящими душу (и зачастую вымышленными) историями о залитом кровью Иерусалиме, а также уверяли, что под ударом находится весь христианский мир. «Если не хотите лишиться христианского королевства и, что важнее, Гроба Господня, действуйте, пока у вас еще есть время, – гласило анонимное письмо, отправленное из Константинополя Роберту, графу Фландрии. – И тогда на небесах вас будет ждать не гибель, но награда»^[79].

Как нам уже известно, авторство этого письма Роберту Фландрскому – вопрос спорный. Но аргумент, который здесь приводится, – что судьба Константинополя неразрывно связана с судьбой «Гроба Господня» (т. е. Иерусалима), – это именно тот аргумент, к которому прибегал Урбан после встречи с посланниками императора в Пьяченце. Покончив с делами, папа не стал возвращаться в Рим; вместо этого он перебрался через Альпы и отправился в летнее турне по южной Франции, увещевая, уговаривая и проповедуя. Он встречался с влиятельными аристократами и князьями церкви – с такими, например, представителями местной знати, как Раймунд, граф Тулузы (Раймунд Сен-Жильский), Одо, герцог Бургундии, и Адемар, епископ Ле-Пюи, которые пользовались большим авторитетом у соотечественников. Через них он распространял ужасающие истории о восточной жестокости, которые позже станут с кровавыми подробностями пересказывать сексуально озабоченные хронисты: все эти байки о турках, свирепствующих в христианских землях Византии и Иерусалима, упоенно насилующих, убивающих, силком обрезающих и всячески мучающих верующих во Христа.

Живописуя тронувшее его душу тяжелое положение, сложившееся на Востоке, Урбан одновременно излагал свою миссию как папы – стратегию, которая должна была снова объеди-

¹⁷ Пер. И. Дьяконова.

нить христианский мир. Он говорил, что рассчитывает на помощь огромного числа способных сражаться мужчин, готовых отправиться в военный поход на Восток и не только откликнуться на жалобный призыв Византии, но пойти дальше – биться с врагами Иисуса, оскверняющими христианские святыни. Первой целью должен был стать Константинополь. Но конечным пунктом назначения – Иерусалим.

Свое турне папа увенчал двумя празднествами. В октябре 1095 года он заехал в аббатство Ключни, откуда четверть века назад начался его путь к Святому престолу. Аббатством все еще управлял его старый учитель Гуго. Несмотря на финансовые трудности, с которыми он столкнулся из-за альморавидских завоеваний в Испании, лишивших его щедрого источника денежных поступлений от эмиров, подобных аль-Мутамиду, аббат так и не отказался от своей главной страсти – строительства. Возведение новой аббатской церкви шло полным ходом, стены храма взмывали к небесам. На торжественной церемонии Урбан об руку с Гуго освятил главный алтарь церкви. Он провел в аббатстве неделю и там же объявил, что 18 ноября созывает еще один большой собор – в Клермоне, в 150 километрах от Ключни, и что продлится этот собор десять дней. Приглашены на него были самые могущественные люди со всех окрестных земель, и очень многие действительно приехали. На приглашение откликнулись двенадцать архиепископов, восемьдесят епископов и девяносто аббатов. Воззвание, которое им предстояло выслушать, вряд ли было для кого-то секретом, потому что Урбан все лето вещал одно и то же повсюду. И тем не менее собор в Клермоне должен был поставить жирную точку в его поездке, и пропускать такое событие не следовало.

Сам текст проповеди, прочитанной Урбаном на Клермонском соборе, утрачен, но сохранился ряд достойных доверия записей, сделанных по свежей памяти, из которых мы можем узнать, о чем же говорил папа. Проповедь прозвучала 27 ноября 1095 года под открытым небом, в день, когда зима уже вступала в свои права. Согласно хронике, записанной спустя несколько лет с момента событий священником по имени Фульхерий Шартрский, вначале Урбан перечислял свои излюбленные страшилки, поносил симонию, ересь, нарушение мира и обиды, причиняемые епископам. Потом, однако, он разразился боевым кличем, который эхом отзовется в веках, и произнес: «Существует еще одно дело, которое по замыслу Господа гораздо важнее ваших прочих дел»¹⁸.

Затем он продолжил:

Вы должны поспешить прийти на помощь, обещанную вами вашим нуждающимся собратьям, живущим на Востоке.

Турки, народ персидский... разоряют их [владения] вплоть до самого Средиземного моря, до того места, которое зовется Рукав Святого Георгия [т. е. Константинополь], что у самых границ Романии, и все больше и больше захватывают христианские земли. И вот уже в седьмой раз разбили они несчастных [христиан], убив и пленив многих из них, разрушив церкви и разорив землю Господа.

С просьбой об этом деле обращаюсь к вам не я, а сам Господь, поэтому призываю вас, провозвестники Христовы, чтобы собрались вы все – конные и пешие, богатые и бедные – и поспешили оказать помощь уверовавшим в Христа, чтобы отвратить таким образом то поганое племя от разорения наших земель...

¹⁸ Здесь и далее пер. А. Н. Слезкина.

Всем тем, кто, отправившись туда, в пути или при переправе, либо же в сражении с язычниками, окончит свою смертную жизнь, то тотчас получит отпущение грехов [своих]. И оттого это обещаю всем, собирающимся туда отправиться, что правом таким наделен от Господа^[80].

В речи Урбана, как ее передает Фульхерий, Иерусалим не упоминается, но автор, живший позже, Роберт Реймский, пишет, что Урбан призывал своих слушателей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Wright, Thomas (ed.) *The Historical Works of Giraldus Cambrensis* (London, 1894), с. 425–6.

2.

Runciman, Steven, 'The Decline of the Crusading Ideal' в *The Sewanee Review* 79 (1971), с. 513.

3.

Richards, D. S. (ред.), *The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l Ta'rikh* (Aldershot, 2006), том. I, с. 13.

4.

Wolf, Kenneth Baxter (пер. на англ.), *The Deeds of Count Roger of Calabria and Sicily and of his Brother Duke Robert Guiscard: by Geoffrey Malaterra* (Ann Arbor, Michigan, 2005), с. 66–7.

5.

Ibn al-Athir, том. I, с. 13.

6.

Там же.

7.

О жестокости нормандцев: Loud, G. A. *The Age of Robert Guiscard: Southern Italy and the Norman Conquest* (Harlow, 2000), с. 114.

8.

Об этом говорится, например, в *History of the Normans/Dudo of St Quentin Эрика Кристиансена* (пер.), (Woodbridge, 1998), с. 30. Роллон стал первым герцогом Нормандии и графом Руана, получив фьеф от франкского короля Карла Простоватого в 911 г.

9.

Бенцо, епископ Альбы; написано ок. 1090 г., процитировано там же.

10.

Hubert Houben, *Roger II of Sicily: A Ruler between East and West* (Cambridge, 2002), с. 10.

11.

Alex Metcalfe, *The Muslims of Medieval Italy* (Edinburgh, 2009), с. 88.

12.

Wolf, *The Deeds of Count Roger of Calabria*, с. 85–6. Перевод на русский язык: Готфрид Малатерра. О деяниях Рожера, графа Калабрии и Сицилии, и его брата, герцога Роберта Гвискара // *Хроники Сицилийского королевства* / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. – М.: Русская панорама, 2021.

13.

Metcalfe, *The Muslims of Medieval Italy*, с. 93–5.

14.

Wolf, *The Deeds of Count Roger of Calabria*, с. 181.

15.

Metcalfе, *The Muslims of Medieval Italy*, с. 106.

16.

Houben, *Roger II of Sicily*, с. 18–19.

17.

См. экспонаты, хранящиеся в Кембридже (Англия) в музее Фицуильяма. Это можно сделать онлайн: http://classic.fitzmuseum.cam.ac.uk/gallery/normans/chapters/Normans_3_2.htm

18.

Houben, *Roger II of Sicily*, с. 23.

19.

Wolf, *The Deeds of Count Roger of Calabria*, с. 179.

20.

Ibn al-Athir, том. I, с. 13.

21.

То же соображение в специфически сицилийском контексте: Metcalfе, *The Muslims of Medieval Italy*, с. 88.

22.

Чтобы получить представление о темах и контексте лирики Ибн Хамдиса, см. Granara, W., 'Ibn Hamdis and the Poetry of Nostalgia' в Menocal, Maria Rosa, Scheindlin, Raymond P. & Sells, Michael A. (ред.) *The literature of Al-Andalus*, (Cambridge, 2000), с. 388–403. «Меня изгнали из рая» см. там же, с. 397.

23.

Fletcher, Richard, *Moorish Spain* (New York, 1992), с. 87.

24.

Примеры стихотворений аль-Мутамида на английском языке можно отыскать в Franzen, Cola, *Poems of Arab Andalusia* (San Francisco, 1989), с. 82–91.

25.

Fletcher, *Moorish Spain*, с. 91.

26.

Там же, с. 86, 90.

27.

Епископ Пелайо из Овьедо, «Хроника королей Леона» (*Chronicon Regum Legionensium*): Barton, Simon & Fletcher, Richard (пер. на англ.), *The World of El Cid: Chronicles of the Spanish Reconquest* (Manchester, 2000), с. 85.

28.

Разрозненные хроники, обычно называемые *Historia Silense*. Перевод на англ.: Barton & Fletcher, *The World of El Cid*, с. 29.

29.

Gerson, Paula, Shaver-Crandell, Annie and Stones, Alison, *The Pilgrim's Guide to Santiago de Compostela. A Gazetteer*, с 500 иллюстрациями (London, 1995), с. 73.

30.

Gerson et al., *The Pilgrim's Guide to Santiago de Compostela*, с. 67; Ryan, William Granger (пер. на англ.) and Duffy, Eamon (введение), *Jacobus de Voragine, The Golden Legend: Readings on the Saints* (Princeton and Oxford, 2012), с. 393–4.

31.

Письмо от папы Александра, датированное 1063/64 г. и адресованное всем его епископам в Испании, ссылается на «всех тех, кто выступит против сарацинов» данной местности, и восхваляет духовенство за защиту евреев от убийств иностранными рыцарями. Обсуждение см.: O'Callaghan, Joseph F., *Reconquest and Crusade in Medieval Spain* (Philadelphia, 2002), с. 25.

32.

De Gayangos, Pascual (пер. на англ.), *The History of the Mohammedan Dynasties in Spain/ by Ahmed ibn Mohammed al Makkari* (London, 1843), том. II, с. 266–7.

33.

Tayyibi, Amin Tawfiq (пер.), *The Tibyan: memoirs of 'Abd Allāh B. Buluggīn, last Zīrid Amīr of Granada* (Leiden: 1986), с. 90.

34.

Reilly, Bernard F., *The Contest of Christian and Muslim Spain 1031–1157* (Oxford, 1992), с. 82–4.

35.

Cobb, Paul, *The Race for Paradise: An Islamic History of the Crusades* (Oxford, 2014), с. 68–70.

36.

Поэт Ибн аль-Ассаль аль-Ясуби, переведено у Melville, Charles and Ubaydli, Ahmad, *Christians and Moors in Spain* (Warminster, 1992), с. 91.

37.

O'Callaghan, *Reconquest and Crusade in Medieval Spain*, с. 30.

38.

Franzen, *Poems of Arab Andalusia*, с. 87.

39.

Levtzion, N. and Hopkins, J. F. P. (ред.), *Corpus of Early Arabic Sources for West African History* (Princeton, 2000), с. 165.

40.

‘Abd al-Wahid al Marrakushi, перевод из Melville and Ubaydli, Christians and Moors in Spain, с. 98–9.

41.

O'Callaghan, Joseph F., A History of Medieval Spain (London: 1975), с. 209.

42.

Franzen, Poems of Arab Andalusia, с. 88–9.

43.

Там же, с. 90.

44.

Granara, 'Ibn Hamdis and the Poetry of Nostalgia', с. 389.

45.

Sewter, E. R. A. (пер. на англ.) & Frankopan, Peter (введ.) The Alexiad / Anna Komnene (London, 2009), с. 167.

46.

Там же, с. 188.

47.

Там же, с. 85.

48.

Феодор Продром, процитировано в Frankopan, Peter, 'The Literary, Cultural And Political Context For The Twelfth-Century Commentary On The Nicomachean Ethics' в Barber, Charles & Jenkins, David (ред.), Medieval Greek Commentaries on the Nicomachean Ethics (Leiden and Boston, 2009), с. 47.

49.

Alexiad, с. 7.

50.

Cobb, The Race for Paradise, с. 70.

51.

Hillenbrand, Caroline, Turkish Myth and Muslim Symbol: The Battle of Manzikert (Edinburgh, 2007), с. 147.

52.

Alexiad, с. 204–5.

53.

Dostourian, Ara Edmond (пер.), Armenia and the Crusades: Tenth to Twelfth Centuries: The Chronicle of Matthew of Edessa (London, 1993), с. 44.

54.

Там же, с. 263.

55.

Там же, с. 226.

56.

Alexiad, с. 111; Frankopan, Peter, *The First Crusade: The Call from the East* (Cambridge, MA, 2012), с. 46–8, 54–5. Перевод на русский язык: Франкопан П. Первый крестовый поход. Зов с Востока. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022.

57.

Frankopan, *The Call from the East*, с. 71.

58.

См., например, Bernold of St Blasien in Robinson, I. S., *Eleventh Century Germany: The Swabian Chronicles* (Manchester, 2008), с. 274.

59.

Alexiad, с. 199.

60.

Письмо опубликовано в Hagenmeyer, Heinrich, *Epistulae et chartae ad historiam primi Belli Sacri spectantes quæ supersunt aevo aequales ac genuinae* (Innsbruck, 1901), с. 130–6. Об авторстве и надежности этого письма, которое часто списывают со счета как подделку, см. Frankopan, *The Call from the East*, с. 60–1 и, для сравнения, Joranson, Einar, 'The Problem of the Spurious Letter of Emperor Alexius to the Court of Flanders', *American Historical Review* 55 (1950), с. 811–32.

61.

Alexiad, с. 274–5.

62.

Там же.

63.

Robinson, *Eleventh-Century Germany*, с. 292.

64.

MacCulloch, Diarmaid, *A History of Christianity* (London, 2009), с. 365–7.

65.

Mullins, Edwin, *In Search of Cluny: God's Lost Empire* (Oxford, 2006), p. 235.

66.

Что касается идейных основ папского правления Урбана, см. Chevenden, Paul E., 'Pope Urban II and the ideology of the crusades', в Boas, Adrian J. (ред.) *The Crusader World* (Abingdon, 2016), везде, но в первую очередь с. 15–20.

67.

Smith, L. M., *The Early History of the Monastery of Cluny* (Oxford, 1920), с. 130.

68.

Там же, с. 135–6.

69.

MacCulloch, *A History of Christianity*, с. 367.

70.

Williams, John, 'Cluny and Spain', *Gesta* 27 (1988), с. 93

71.

O'Callaghan, *Reconquest and Crusade in Medieval Spain*, с. 167.

72.

Chevenden, 'Pope Urban II and the ideology of the crusades', с. 13–14.

73.

Дополнительно по этой важной теме см.: Morris, Colin, *The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250* (Oxford, 1989), с. 112–13.

74.

Robinson, *Eleventh-Century Germany*, с. 296; Somerville, Robert, *Pope Urban II's Council of Piacenza: March 1–7, 1095* (Oxford, 2011), с. 6

75.

Somerville, *Pope Urban II's Council of Piacenza*, с. 16. Примечания к страницам 37–63.

76.

Bernold of St Blasien в Robinson, *Eleventh-Century Germany*, с. 324.

77.

Loud, G. A. *The Age of Robert Guiscard: Southern Italy and the Norman Conquest* (Harlow, 2000), с. 230.

78.

Cowdrey, H. E. J., *The Register of Pope Gregory VII, 1073–1085 / An English translation* (Oxford, 2002), с. 50–1.

79.

Joranson, 'The Problem of the Spurious Letter of Emperor Alexius', с. 815.

80.

Ряан, Frances Rita (перев.) & Fink, Harold S. (ред.), *Fulcher of Chartres / A History of the Expedition to Jerusalem, 1095–1127* (Knoxville, 1969), с. 65–6.